

Исма'ил Ал-Фаруки

ИСЛАМ

РЕЛИГИЯ, ПРАКТИКА, КУЛЬТУРА И МИРОПОРЯДОК

Исма‘ил Раджи Ал-Фаруки

ИСЛАМ

религия, практика,
культура и миропорядок

Санкт-Петербург
2022

УДК 297
ББК 86.216

Книга издается под патронажем
Института интеграции знаний

Ф25 **Исма‘ил Раджи Ал-Фаруки. Ислам: религия, практика, культура и миропорядок** / пер. с англ. Семен Казаков.—СПб.:Издательство LitoBook, 2022.— 148 с.
ISBN 978-5-6048234-2-2

Islam. Religion, Practice, Culture & World Order.

ISBN 978-1-56564-587-5 (англоязычная версия)

ISBN 978-1-56564-588-2 (англоязычная версия)

Настоящее сочинение основывается на восстановленной рукописи, завершенной в середине 1970-х гг. ал-Фаруки, занимавшегося тогда изучением и разъяснением многих ключевых моментов исламской веры.

В данном исследовании ал-Фаруки представляет смысл и послание ислама всему мировому сообществу. Ключевые элементы веры обобщены и объяснены в свете общей темы.

Взгляды и мнения, выраженные в данной книге, принадлежат автору и могут не совпадать с мнением издателя

ISBN 978-5-6048234-2-2

9 785604 823422

© Институт интеграции знаний,
издание на русском языке, 2022
© The International Institute of
Islamic Thought, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ*

Подлинное понимание ислама как религии откроет <...>, что эта религия представляет собой более поздний виток развития того сознания, которое породило иудаизм и христианство. Исследователю также откроется, что ислам как культура является источником западной цивилизации последнего тысячелетия на равных с античной Грецией и Римом <...>, что исламский антиклерикализм был первой «протестантской» революцией, исламский рационализм был первым «Просвещением», его прагматизм был первой «технократией», а законы войны и мира сделали исламский мир первым образчиком «Объединенных Наций».

Так пишет профессор Исма‘ил Раджи ал-Фаруки, палестино-американский мыслитель, провидец, авторитет в области сравнительного религиоведения и один из величайших мусульманских ученых XX в. В данном исследовании ал-Фаруки представляет смысл и послание ислама всему мировому сообществу. Ключевые элементы веры обобщены и объяснены в свете общей темы. Книга состоит из семи частей, которые содержат 21 главу. Главы этой книги представляют собой нечто большее, чем простое описание мусульманских народов и

* *Yusuf I. Foreword, Brief Biography of Isma‘il Rajī al-Fārūqī, Introduction // Al-Fārūqī I. R. Islam. Religion, Practice, Culture and World Order. London: The International Institute of Islamic Thought, 2012. Pp. VII–XV.*

ортодоксальной практики. Ал-Фаруки был великим мыслителем и находил удовольствие в интеллектуальной вовлеченности любого вида, в особенности когда ее предметом являлся ислам и другие религии. Именно этот уникальный процесс размышления и рассуждения отражен в настоящей работе, представляющей собой одну из граней неповторимого вклада ал-Фаруки в исламоведение. В данной книге доступным языком излагаются его взгляды на исламское вероучение и на положение мусульман в современном мире, философ не только интерпретирует ислам как духовную веру и действие, но также трактует ислам как *невероятный опыт*.

Ал-Фаруки был убит в 1986 г., однако его мысль и его поступки продолжают обогащать исламский дискурс и влиять на него, воздействовать на процесс исламской реформы и его институции по всему миру. Ал-Фаруки также заложил основу для новой трактовки и анализа *таухида* (единства и единственности Бога) и его отношения к знанию, жизни и мысли. Его методичный интеллектуальный подход и строгая логика доводов подняли стандарты исламской гуманитарной науки на новый, более высокий уровень. Ученый не обошел вниманием также и исламское образование, концептуально повлияв на него. Ал-Фаруки сыграл центральную роль в разработке модели современного исламского университета, сделав значительный интеллектуальный вклад в разработку учебных планов и исследовательских программ исламских университетов во многих странах. Ал-Фаруки также открыл новые перспективы для создания на Западе исламоведческих университетских программ. Он был и остается блестящим интеллектуалом, чье замечательное наследие реформаторского духа и ученых усилий все еще резонирует сегодня.

Предисловие

Настоящее сочинение основывается на восстановленной рукописи, завершенной в середине 1970-х гг. ал-Фаруки, занимавшегося тогда изучением и разъяснением многих ключевых моментов исламской веры. Помимо незначительных опечаток, работа была в значительной степени оставлена без изменений и не редактировалась. В сохранности остались оригинальный замысел и изложение автора. Кроме того, названия глав были также оставлены в первоизданном виде.

Несомненно, как никогда ранее существует необходимость «знать» ислам, и эта книга сегодня столь же своевременна, как в день, когда она была написана, она стремится приблизить нас к такому полному пониманию. Как замечает Ал-Фаруки в своем предисловии, читателей приглашают войти в мир ислама и ознакомиться с его неотъемлемыми компонентами и с тем, что ислам является носителем совершенных универсальных ценностей. Приглашение это наполнено духом общности и братства.

Там, где даты указаны в соответствии с исламским календарем (по хиджре), они обозначаются соответственно. В ином случае, они следуют по григорианскому календарю и дополняются маркировкой «н. э.», если это необходимо. Арабские слова выделены курсивом, за исключением тех, которые вошли в общее пользование. Диакритические знаки были добавлены только к тем арабским именам, которые не считаются современными. Исключение составляет ал-Фаруки (*ал-Фār* ^ا *ك* ^ق), чье имя написано в соответствии с его собственным предпочтением.

Международный институт исламской мысли, созданный и силами ал-Фаруки в 1981 г., служит важным центром консолидации научных усилий, основанных на исламском мировоззрении, на идее возрождения ценностей

и принципов ислама и реформирования исламской мысли. Последние тридцать лет Институт занимается разработкой программ исследований, проведением семинаров и конференций. Результатом этой деятельности стала публикация более четырехсот изданий на английском, арабском и других языках.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ
ИСЛАМСКОЙ МЫСЛИ
(INTERNATIONAL INSTITUTE
OF ISLAMIC THOUGHT, ИИТ),
ЛОНДОНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
СЕНТЯБРЬ 2012 Г.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Исма‘ила Раджи ал-Фаруки
(1921–1986)

Профессор ал-Фаруки родился в Яффе, на тот момент – на территории Палестины. Он был великим современным ученым в области исламоведения, его научный интерес охватывал весь спектр исламоведческих дисциплин, затрагивая такие области, как изучение религии, исламская мысль, методология познания, история, культура, образование, межконфессиональный диалог, эстетика, этика, политика, экономика, науковедение и женская проблематика. Не будет преувеличением сказать, что он действительно обладал энциклопедическими знаниями и что сам был личностью необыкновенного масштаба среди мусульманских ученых нашего времени.

В 1948 г. ал-Фаруки в результате образования Государства Израиль стал одним из палестинских беженцев, сначала эмигрировал вместе с семьей в Ливан, где учился в Американском университете в Бейруте, а далее – в США. Там он поступил в Высшую школу искусств и наук Университета Индианы, где получил степень магистра философии. Затем был принят в Гарвардский университет на философский факультет, где в марте 1951 г. он получил вторую магистерскую степень по философии. Вернувшись в Университет Индианы,

защитил диссертацию на факультете философии и получил докторскую степень в сентябре 1952 г. Название его диссертации: «Обоснование блага: метафизика и эпистемология ценности».

Затем ал-Фаруки углубленно изучал исламскую духовную традицию в Каире, с 1954 по 1958 г. учился в университете ал-Азхар. Затем вернулся в Северную Америку, преподавал в Институте исламских исследований Университета МакГилла (Монреаль, Канада), а когда началась его карьера профессора – в Центральном институте исламских исследований в Карачи, Институте высших арабских исследований Лиги арабских государств, Каирском университете, Университете ал-Азхар и в Сиракузском университете в США, где он занимал должность доцента в период с 1964 по 1968 г., разрабатывая программу исламских исследований.

Осенью 1968 г. ал-Фаруки стал профессором исламоведения и истории религий кафедры религиоведения Темпльского университета. Он занимал эту должность вплоть до своей трагической смерти в 1986 г.

Введение

«Никоим образом не считай мертвыми тех, которые были убиты на пути Аллаха. Нет, они живы и получают удел у своего Господа...» (Коран, 3: 169).

«Уверовавшие в Аллаха и Его посланников – это правдивейшие люди. А павшие мученики находятся возле своего Господа, и им уготованы их награда и их свет. А те, которые не уверовали и сочли ложью Наши знамена, являются обитателями Ада» (Коран, 57: 19).

Профессор Исма‘ил Раджи ал-Фаруки был одним из основоположников в области сравнительного религиоведения и исламоведения в современную эпоху. Начиная с 1960-х гг. ал-Фаруки, как и профессор Фазлур Рахман из Чикагского университета, и профессор Сейид Хоссейн Наср из Университета Джорджа Вашингтона были самыми известными учеными в области исламоведения в Северной Америке в момент, когда оно только начало превращаться в учебную дисциплину, предмет исследований и в одно из дискурсивных полей в университетах. Каждый из этих ученых внес свой собственный вклад: Фазлур Рахман – в исламскую мысль, Сейид Хоссейн Наср – в изучение исламского мистицизма, Исмаил ал-Фаруки – в изучение ислама в рамках академического религиоведения и проекта исламизации знания.

Перу Ал-Фаруки принадлежит несколько десятков книг и множество статей в коллективных работах, посвященных

исламской философии и теологии, а именно: главы в книге «Великие азиатские религии: антология»¹; собственная книга «Исторический атлас религий мира»², которую он редактировал совместно с Дэвидом Эдвардом Софером. Также ал-Фаруки написал пространное введение к труду под названием «Ислам»³ и создал «Культурный атлас ислама»⁴, опубликованный посмертно.

Я обнаружил рукопись книги «Введение в ислам» – полностью законченную работу – в документах Исма‘ила ал-Фаруки в Международном институте исламской мысли в Херндоне, штат Вирджиния, США, в 2010 г.

В 2009–2010 гг. меня назначили на должность приглашенного доцента и предложили занять место председателя Малазийской комиссии по вопросам мусульманской религии в Юго-Восточной Азии в Центре мусульманско-христианского согласия принца ал-Валида бин Талала в Джорджтаунском университете, Вашингтон, США. Назначение явилось для меня как данная свыше возможность для реализации моей мечты о содействии сохранению знания и памяти об ал-Фаруки как ценного наследия для нашего и будущих поколений. Я был рад возможности получить доступ к документам ал-Фаруки в Международном институте исламской мысли. И сегодня благодарен доктору Джамалу Барзинджи, доктору Хишаму Алталибу, доктору Икбалу Йунусу и доктору Абу Бакару ас-Сингиети за то, что они

¹ *Wing T. Chan (ed.). Great Asian Religions: An Anthology.* London: Macmillan, 1969.

² *Al-Fārūqī I. R. Historical Atlas of the Religions of the World.* London: Macmillan, 1975.

³ *Al-Fārūqī I. R. et al. Islam.* Niles, IL: Argus Communications, 1979. Current editions published at Beltsville, MD: Amana Publications.

⁴ *Al-Fārūqī I. R. The Cultural Atlas of Islam.* New York: Macmillan, 1986.

предоставили мне доступ и доверились моему стремлению внести вклад в дело превращения памяти об ал-Фаруки в живое наследие. Я разбирал документацию, связанную с его академической карьерой периода 1961–1986 гг., и получил тем самым уникальное представление о личности, интеллекте и вкладе в науку одного из великих исламских ученых. Его архивы представляли собой настоящий клад информации, содержащий опубликованные и неопубликованные работы и документы, связанные с научной деятельностью ал-Фаруки и охватывающие различные темы и области знаний, мысли и исследований, интересовавшие мусульманского интеллектуала на протяжении его жизни. Потребуется не один год, чтобы целиком проработать их. Я же решил заняться только опубликованными и неопубликованными работами ал-Фаруки в области изучения религии и ислама, что является сферой моих академических научных интересов. *Иншā‘Аллāх*, я надеюсь завершить это дело в течение моей жизни.

Мое сближение с Исма‘илом ал-Фаруки началось в 1984 г., когда он предложил мне стипендию для продолжения написания моей докторской диссертации на кафедре религиоведения Темпльского университета, Филадельфия, США. Мне посчастливилось учиться на курсах ал-Фаруки, посвященных древним ближневосточным текстам, Корану, вообще исламу и искусству, введению в мусульманское и христианское богословие через рассмотрение работ Абу Ала ал-Маудуди и Карла Барта, истории религий. Знания, полученные нами от ал-Фаруки, были по-настоящему глубокими. Кроме того, он всегда настаивал на необходимости соблюдения высоких стандартов академического образования и проведения исследований с использованием строгой методологии. Его руководство вселяло в нас стремление реализовать высокие ожидания и получить гуманитарное образование достойного уровня. Для нас ал-Фаруки

был ходячей энциклопедией, личностью, полной интеллектуальной энергии и академического энтузиазма, а также великим ученым с глубоким знанием ислама и мировых религий. Ал-Фаруки как современный мусульманский ученый был редкой комбинацией блестящего интеллекта и академических достижений.

Ал-Фаруки, по всей вероятности, закончил писать эту работу в 1975 г. Откуда взялась эта дата? В изначальной рукописи, в которую я затем внес свои поправки, в главе 9 («Хадж») указывается, что мусульмане до 1975 г. совершили хадж 1395 раз. Отсюда мой вывод, что рукопись датируется именно этим годом.

Содержание этой книги сейчас столь же актуально, сколь и в момент ее написания, несмотря на то, что с тех пор прошло уже тридцать шесть лет. Я не вносил никаких изменений в основную тему книги или ее содержание, кроме некоторых исправлений, соответствующих замечаниям, которые ал-Фаруки сделал на полях рукописи, не включив их в текст. И обновил статистическую информацию, содержащуюся в рукописи, в соответствии с данными, которые имеются на сегодняшний день.

Данная работа представляет собой рассмотрение ислама изнутри. Сочинение написано ал-Фаруки в рамках его методологического подхода к изучению ислама, основанного на трех методах: истории религии, феноменологическом рассмотрении ислама и особом «фарукианском» взгляде на межрелигиозный диалог с исламской позиции.

Рассматривая историю религии через призму мусульманской точки зрения, основанной на изучении и знании исторических критических исследований древней истории Ближнего Востока и текстов этой эпохи, ал-Фаруки конструирует концепцию ненационалистического *'уруба* – арабизма как монотеистического

взгляда на мир и источника мусульманской цивилизации. Для ал-Фаруки арабы являются основателями монотеизма и монотеистической концепции *дйн*. Это проявилось в форме арабского религиозного гуманизма, выраженного в еврейских, христианских и мусульманских формах монотеизма, т. е. религии в арабском сознании.

‘*Урӯба* является неотъемлемой частью арабского сознания; это арабский взгляд на мир, сформированный на основе монотеистического восприятия религии. Возникновение монотеизма через поэтические размышления и религиозные медитации арабских ханьфов – монотеистов и пророков – трансформирует арабов от племенной культуры до мирового религиозного сообщества. Монотеизм объединил арабов.

Ал-Фаруки отметил, что все арабы являются монотеистами: «Все, кто населял Ближний Восток, постоянно или временно, были арабами. Все они внесли свой вклад в наследие, которое арабы с гордостью называют своим»⁵. Согласно ал-Фаруки, арабы были носителями Божественного послания монотеизма в истории религии.

Используя новаторский и отвечающий современности научный подход к изучению ислама и исповедующей его цивилизации, ал-Фаруки обратился к понятию *дйн*, отождествляемому (как исторически, так и на идейном уровне) с теологией *таухид* – единством Бога. Об этом свидетельствуют ранние работы ал-Фаруки, такие как «‘*Урӯба* и религия» («‘*Urubah and Religion*»), в которой он утверждает, что ‘*урӯба*, когда интерпретируется в свете ненационалистического понимания, содержит ядро мусульманского религиозного сознания, его веры и его ценностей. Причем это было признано как арабами,

⁵ *Al-Fārūqī I. R. ‘Urubah and Religion. Amsterdam: Djambatan, 1962. P. 9.*

так и неарабами – исповедниками монотеистических религий: иудаизма, христианства и ислама. Такой подход к исламской религии и цивилизации – это стройный академический и фундаментальный подход к исламу, который неоднократно используется в книге и которым пронизан ее текст. Этот фалукианский ненационалистический взгляд на ислам не должен разочаровывать неарабских мусульман, которые благодаря своей исторической встрече, культурному опыту и религиозному творчеству впитали арабское воззрение *дйн*, основанное на *таухид* (монотеизме), в своих различных географических условиях, тем самым способствуя расцвету ислама как всемирной универсальной цивилизации. На самом деле, будучи универсальной, религия ислам утверждает, что *таухид* – это вера в единого Бога. Единый Бог не является собственностью географического сообщества арабов. Он не принадлежит арабам в националистическом или расистском смысле. Бог завещал понятие *таухид* арабам как составной части человечества с доисторических времен, и они разделили его со всеми другими народами с рождением ислама. До ислама иудаизм и христианство тоже содержали понятие монотеизма, но иудеи сделали его исключительным для своего народа, превратив монотеизм в националистическую идеологию. Христиане разделились в своих спорах о сути монотеизма, что проявилось в христологических дискуссиях, в которых участвовали Отцы Церкви доникейского и посленикейского периодов⁶, а также арабское и западное христианские сообщества⁷.

⁶ См.: Roberts A. et al. The Ante-Nicene Fathers. Peabody, Massachusetts: Hendrickson Publishers, 1994, 10 volumes; Roberts A. et al. Nicene and Post-Nicene Fathers. Peabody, Massachusetts: Hendrickson Publishers, 1994, 14 volumes; Frend W. H. C. Rise of Christianity Minneapolis: Fortress Press. 1986.

⁷ Al-Fārūqī I. R. ‘Urubah and Religion. P. 101.

Принимая на вооружение феноменологический подход к исламу, ал-Фаруки излагает знание об исламе так, как оно представляется сознанию вне рамок мусульманских культурных предрассудков и пристрастий. В этом смысле ал-Фаруки был главным мусульманским феноменологом религии современной эпохи, следуя более ранней мусульманской традиции феноменологии религии, содержащейся в работах ал-Бируни (973–1048 гг.) и Ибн Хазма (994–1064 гг.), сочинениями которых он восхищался.

Ал-Фаруки был новатором и активным участником диалога ислама с другими религиями на Западе. Будучи гражданином и жителем Запада, ал-Фаруки активно участвовал в межрелигиозном движении согласия, которое в 1960-х гг. после инициатив сотрудничества Всемирного совета церквей и II Ватиканского совета находилось на ранних этапах своего развития. В этой книге чувствуется присутствие диалогического аспекта интеллектуального участия ал-Фаруки, поскольку он представляет смысл и послание ислама более широкому мировому сообществу. В своем творческом усилии он адаптирует мусульманскую эпистемологию к меняющимся временам.

Ал-Фаруки заложил основу для новой интерпретации и анализа квинтэссенции исламского религиозного принципа развития и его значимости для различных аспектов человеческой жизни, мысли и практики. Его многообразный вклад в академическое знание качественно повысил уровень исламского университетского знания до новой интеллектуальной ступени, которая актуальна и сегодня.

Ал-Фаруки оставил после себя школу мысли, известную под названием школы исламизации знаний, которая действует на уровне университетского образования в нескольких исламских университетах по всему миру. Его школа мышления, академический подход и практика

также применяются сотнями его учеников, преподающих и проводящих исследования в различных университетах.

Вдохновение, которое мой учитель ал-Фаруки вселил в меня, продолжает формировать мою личную и академическую жизнь. Я посвящаю свои усилия в редактировании и обновлении этой книги моему учителю и наставнику. Во время работы над рукописью постоянно ощущалось присутствие ал-Фаруки рядом со мной.

Да благословит Аллах (СВТ⁸) профессора ал-Фаруки и его жену доктора Люю Ламию Фаруки (1926–1986), жизни и трагические смерти которых стали частью нашей памяти, повседневной жизни, мысли и практики. Я навечно остаюсь их учеником.

Имтияз Йусуф,
ПРОФЕССОР ИСЛАМОВЕДЕНИЯ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
*Высшая школа философии и религии
Успенского университета.
Бангкок, Тайланд*

Март 2011 г.

⁸ *Субхāнаху ва Та'ālā* (араб.) – «да будет преславлен Он и возвышен». Данную фразу мусульмане произносят, когда упоминают Бога.

Предисловие

Сразу после своего появления в VII в. н. э. ислам распространился по континентам с шокирующей скоростью. Его политическая мощь затмила и ниспровергла две грозные империи мира – Персию и Византию. Убедительная логика его теологических заявлений, облагораживающее воодушевление его благочестия и морали, прагматичная эффективность его законодательства, привлекательная универсальность его братства, трогательный энтузиазм и великодушные его последователи – все это обезоружило миллионы и убедило их присоединиться к новой религии. В течение тысячи лет ислам не имел себе равных как мировая политическая сила, а также в плане богатства, уровня цивилизации и культуры. В течение тысячи лет он был единственным соперником Европы, и ему практически удалось покорить этот континент. Европа ответила дюжиной крестовых походов, которые окончились ничем. Другая кампания христианской цивилизации была начата в Испании и увенчалась успехом, положив конец семи векам исламского владычества на Пиренейском полуострове. И только с приходом современности, т. е. около двух веков назад, Европа смогла покорить себе мусульманский мир и подвергнуть его колониальному делению и управлению. Но даже после этого исламская религия продолжала распространяться в Азии и Африке, причем скорость ее распространения была выше,

чем у христианства, несмотря на поддержку христианских миссионеров колониальными властями.

Долгая история конфронтации и конфликтов породила бесконечные слухи и вымыслы об исламе, призванные выставить религию и ее последователей в дурном свете. Добавленные к неправильному пониманию иной, отличной от европейской культуры и религии, враждебные утверждения стали врожденными предубеждениями, пелену которых сложно снять с глаз. Потому исследователь ислама должен особенно заботиться об открытости своего ума. Более того, он должен стремиться сопереживать объекту своего исследования, если хочет понять его.

Вознаграждение будет соответствовать потраченным усилиям. Подлинное понимание ислама как религии откроет его исследователю, что эта религия представляет собой более поздний виток развития того сознания, которое породило иудаизм и христианство. Исследователю также откроется, что ислам как культура относится к источникам западной цивилизации последнего тысячелетия на равных с античной Грецией и Римом. Исследователь узнает, что исламский антиклерикализм был первой «протестантской» революцией, исламский рационализм был первым «Просвещением», его прагматизм был первой «технократией», а законы войны и мира сделали исламский мир первым образчиком «Объединенных Наций».

Вглядевшись в ислам так глубоко, станет куда проще ощутить свое родство с одной шестой частью человечества. Родство это проявляет себя прежде всего в обоюдном понимании и товариществе. Вот в чем истинный призыв данной книги.

Темплский университет
Исмаил Раджи ал-Фаруки
Филадельфия, Пенсильвания

Около 1975 г.

ЧАСТЬ 1

Кто такой мусульманин?

Население нашей планеты – 6,9 миллиарда человек. Из этих почти 7 миллиардов 1,3 миллиарда человек – мусульмане. Оба числа приблизительны, поскольку не существует точной статистики. Однако эти цифры актуальны: первая основана на оценках Организации Объединенных Наций, вторая – на подсчетах мусульманского населения в каждой из стран мира. Таким образом, каждый шестой мужчина, женщина и ребенок на планете являются мусульманами.

Мусульмане составляют большинство населения в пятидесяти семи странах, принадлежащих к Организации исламского сотрудничества. Помимо этого, во многих других странах мусульмане составляют значительные меньшинства. К этим странам относятся Индия (161 миллион мусульман), Китай (22 миллиона мусульман), Россия (16 миллионов мусульман). Пусть и в меньшей численности, мусульманское население присутствует практически в каждой из стран мира.

В Северной Америке мусульман около 8 миллионов, и большая их часть живет в крупных городах. Домом для тысяч мусульман являются Нью-Йорк, Чикаго, Детройт, Торонто, Монреаль, Лос-Анджелес, Филадельфия, Вашингтон и Бостон. Во многих американских городах построены мечети (араб. *масджид*; мн. ч. *масджид*) или молитвенные дома, где мусульмане поклоняются Богу. Зачастую таких мест в городе больше, чем одно. Самая большая и самая прекрасная

Кто такой мусульманин?

из американских мечетей – мечеть Исламского центра Вашингтона, находящаяся на Массачусетс-авеню. Ее строительство производилось под патронажем нескольких правительств мусульманских стран и было завершено в 1957 г. Каждую неделю пятничную молитву (*джума-намаз*) в ней совершают шесть тысяч верующих.

Почти в каждой этнической группе земного шара есть мусульмане. По численности возглавляют этот список мусульмане-арабы (316 миллионов человек), далее идут яванцы (239 миллионов), затем бенгальцы (147 миллионов), после них – туранцы, т. е. тюркоязычные народы Средней и Малой Азии (61 миллион). Хотя в Америке темнокожие люди и составляют отдельную этническую группу, в остальном мире они подразделяются на «этнические» подгруппы. Как бы то ни было, на нашей планете живет 241 миллион мусульман африканского происхождения.

Карта мусульманского мира представляет собой прямоугольную область, занимающую немалую часть Африки и Азии. Область эта тянется от Дакара, крайней западной точки Африки, до Синьцзяна, что на северо-западе Китая. К этому «прямоугольнику» присоединяются три длинных «пальца», один из которых тянется вдоль восточного побережья Африки, второй – вдоль речных равнин Северной Индии, достигая Бенгальского залива, а третий – вдоль всего Малайского архипелага, включая часть Филиппин и Новой Гвинеи. Мусульманский мир – это и Казахстан и Судан. В списке лидеров по численности мусульман – четыре страны: Индонезия, Пакистан, Бангладеш и Нигерия, – общая сумма которых составляет более 600 миллионов человек.

Мусульмане разговаривают на множестве разных языков. Для более чем 316 миллионов мусульман родным языком является арабский. Вторая по численности группа – говорящие на яванском языке (около 239 миллионов человек). Далее идут бенгальский язык (147 миллионов),

турецкий (70 миллионов), персидский (69 миллионов) и языки группы хауса (35 миллионов). Арабский является также *lingua franca* для множества народов. Все мусульмане в той или иной степени владеют арабским, поскольку он является языком их религии. Многие пошли в изучении арабского дальше, достигнув того или иного уровня мастерства, поскольку этот язык является первым языком исламской мысли и культуры. Человек, говорящий и пишущий только на арабском, сможет почувствовать себя как дома в любом из регионов длинного географического пояса мусульманских сообществ от Дакара до Минданао.

Арабская каллиграфия и украшение арабесками составляют другой важный и замечательный аспект мусульманского мира, проявляющийся во всех принадлежащих ему сообществах. Каллиграфию и арабески можно найти в любом из мест, где собираются мусульмане, в особенности в молитвенных домах. Столь же вездесущими являются и архитектурные особенности этих построек. Это относится как к их интерьеру (украшение стен каллиграфическими цитатами стихов Корана), так и к экстерьеру (минареты, с которых *муаззин* пять раз в день призывает верующих на обязательную молитву). Этот призыв к молитве, равно как и чтение Корана нараспев, составляет акустическое явление, встречающееся в мусульманском мире повсеместно. Конечно, существуют и другие особенности, объединяющие все локации мусульманского мира, но уже менее значительные. Они открываются исследователю, а не обычному туристу.

Хотя вышеперечисленные аспекты и позволяют быстро идентифицировать мусульманина, последователи исламской религии могут сильно отличаться по своему внешнему виду. Их общее число делится на множество культурных групп, каждая из которых обладает своим костюмом, обычаями и образом жизни.

Кто такой мусульманин?

Народы мусульманского мира в прошлом были весьма мобильны. Братское отношение ко всем, отсутствие расовых предрассудков и этнической дискриминации были широко распространенными институтами мусульманского мира. По этой причине появилась возможность путешествовать из одного его края в другой без ощущения отчуждения. Прямое следствие этой мобильности – тот факт, что проживающие в крупных городах мусульмане часто являются полиглотами. Не существует большей улады для глаз антрополога, чем сидеть в уличном кафе в Рабате, или в Триполи, или в Каире, или в Дамаске, или в Джидде, или в Багдаде, или в Тихране, или в Лахоре, или в Дели, или в Джакарте. Рядом проезжают автомобили и одновременно проходят верблюды. Можно увидеть женщин в хиджабе, а можно – в мини-юбке или сари, джинсах или саронге. Встречаются как голубоглазые и светлокожие люди северного типа, так и темнокожие – люди западноафриканского хамитского типа, китайцы и монголы, некрупные малайцы и крупные афганцы, мужчины с пробором и мужчины в фесках или тюрбанах, мужчины в одежде от Савил Роу и мужчины в длинных робах. Все эти люди – мусульмане.

Такое же разнообразие отличает мусульманское присутствие в Северной Америке. Половина мусульман континента – темнокожие, но другая половина – белые, среди которых иммигранты (и их потомки) из всех мест мусульманского мира. Многообразие этнических и культурных типов можно наблюдать на любом собрании Исламского общества Северной Америки (Islamic Society of North America, ISNA) – основной руководящей мусульманской организации североамериканского континента.

Что значит быть мусульманином?

Каждый взрослый мужчина или женщина, сознательно и официально засвидетельствовавшие, что «нет иного бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – Посланник Его», будут признаны мусульманами любым исламским судом. Соответственно, они получают все привилегии и права, которые связаны с этим статусом. То же самое касается обязанностей, которые предусматривает в отношении мусульман исламское право. Исполнение этого единственного требования, определяющего принадлежность к исламу человека, – все, что необходимо для вступления в сообщество мусульман. От человека, произнесшего шахаду и ответственно засвидетельствовавшего признание им двух фактов (что Аллах есть единственный Бог и что Мухаммад, да благословит его Аллах и приветствует⁹, есть Его Пророк), закону больше нечего требовать для доказательства его веры и, следовательно, прав и обязанностей, лежащих на него в соответствии с исламским законодательством.

Причина, по которой принадлежность к исламу так легко определить и по которой ее так легко достичь, заключается в том, что ислам не является ни этноцентричной религией, ни религией таинств. Не обязательно

⁹ *Саллā Аллāху ‘алайхи ва саллам* (СААС) – «Да благословит его Аллах и приветствует». Эта фраза всегда произносится вместе с именем пророка Мухаммада.

Что значит быть мусульманином?

родиться мусульманином, не нужно иметь родителей-мусульман или опекуна, принадлежащего к исламской религии. Не нужно принадлежать к определенной семье или этносу, чтобы быть мусульманином. Любой из живущих в мире людей, если он того захочет, может стать мусульманином посредством личного решения и только него. Вступление в мусульманское сообщество не требует приобщения к какому-либо таинству, участия какого-либо представителя духовенства, признания этого факта какой бы то ни было организацией. Поэтому в том, что касается «исламскости», все люди абсолютно равны: каждый может стать частью исламской уммы, выполнив простейшее из требований. В вопросе о том, кто является мусульманином и кто нет, не присутствует никакой сложности и неясности. Ответом будет либо «да», либо «нет».

Каким бы важным ни было для исламской религии принятие ее новым человеком, сам по себе этот акт не гарантирует ничего. Он никак не оправдывает человека в глазах Бога. В исламе нет таинств. Потому неопит не может каким-либо образом гарантировать себе спасение в момент принятия вероисповедания (если, скажем, его жизни суждено было бы оборваться в этот самый момент). В этой связи вспоминается пугающее рассуждение Августина о двух младенцах, один из которых в случае смерти попадет в рай, поскольку он был крещен, а другой отправится в ад, поскольку он крещен не был. Для ислама в этом вопросе нет никакой дилеммы. Согласно исламу, человека в глазах Бога оправдывают его дела и поступки, а не его участие в каком-либо таинстве. Однако является ли оправдание человека следствием его личной веры в Бога? Нет, отвечает ислам. Вера – необходимое условие для вступления в сообщество мусульман. Однако вера может быть лишь маркером принадлежности к социальной группе. Она может порождать добродетельные поступки и благочестие,

а может и не породить. Причиной для оправдания человека могут быть только эти поступки, а не вера сама по себе.

Люди занимают различные позиции на шкале доброты и праведности. Сама эта шкала бесконечна: мусульманин не может в своей жизни достичь такой позиции, которая в соответствии с его статусом гарантировала бы ему доступ в Рай. Усилия прикладываются всеми: некоторыми больше, некоторыми меньше. Никакое из возможных действий человека не способно заранее определить решение Бога в пользу или против его спасения. Бог может простить величайшего из грешников, а может отказать в спасении благодетельному из-за отсутствия в нем веры и серьезного отношения. Аналогичным образом решение в пользу спасения не может быть predetermined участником в каком-либо «тайнстве». Следовательно, мусульманин – это человек, официально засвидетельствовавший свою принадлежность к исламу и посвятивший дальнейшую жизнь стремлению к доброты и справедливости. Исламское законодательство предусматривает простую проверку принадлежности к исламу, суть которой в произнесении простейшей из религиозных фраз. Однако эта простота сбалансирована условием спасения, которое становится ориентиром уже после принятия религии. Условие это по своей природе не может быть удовлетворено окончательно, оно не предусматривает конкретных рамок своего выполнения. Оправдание Богом потому составляет вечную надежду мусульманина, но никоим образом ни на секунду не дает повода для самодовольства и самоуспокоения. Таким образом, мусульманин – это человек, верящий, что Богом является только Бог (Аллах) и что Мухаммад – Посланник Его. На это указывает его торжественное свидетельство. Мусульманин верит, что Бог делает из него одновременно самое смиренное и

самое гордое существо. Мусульманин покоряется Богу: в смирении перед Ним он совершает земные поклоны, касаясь пола лбом. Для мусульманина Бог есть единственный Создатель, Даритель, Правитель, Прощающий и Судья; Он есть Начало и Завершение всего, Высшее Бытие. Бог – объект благоговения и восхваления, благодарения и поклонения, Единственный Господин, Которому в служении и покорности человек посвящает всю свою жизнь. Мусульманин чувствует себя достойнейшим из людей в силу своей верности и преданности Богу. Никакая вещь и никакой человек – ничто кроме Бога – не достойно его преданности, его служения и труда. Мусульманин не может подчиниться ни одному правителю, и уж точно не может подчиниться никакому тирану, поскольку он покорен лишь Единственному Господину. Конечно, некоторые из последователей ислама подчиняются правителям и тиранам, но тем самым они нарушают саму суть бытия мусульманином. В покорности Богу мусульманин ставит себя наравне со всем человечеством, которое он считает в той же степени обязанным признать Создателя всего сущего. Мусульманин испытывает глубочайшее чувство братства по отношению к любому человеку, покоряющемуся Царю Царствия. В том, что касается Создателя, для человека не может быть точки зрения или категории, или каких-либо уз, или самоопределений, более значительных, чем сотворенность, тварность. В этом отношении все люди абсолютно равны.

Аналогичным образом в силу этого признания Бога в качестве Единственного Господина, мусульманин является своего рода революционером, отстаивающим свободу человека вопреки любым властителям из числа людей. Для него нет ничего более ужасного, чем грех ширка – придания Богу сотоварищей, равных Ему. Когда человек воспринимает деньги, секс, власть или

удовольствие в качестве своего бога помимо Бога, это, безусловно, неприемлемо. Но когда властитель или тиран ставит себя так высоко, что требует абсолютной преданности от граждан (а такой преданности достоин только Бог), восстание против такого правителя и его свержение становится для мусульманина основной религиозной миссией.

Мусульманин верит, что Бог создал человека и мир не шутки ради и, вне всякого сомнения, не понапрасну, а ради определенной цели. Цель эта в том, чтобы человек мог исполнить свое морально-этическое предназначение, чтобы человек мог совершать благие дела. Исламское Писание изображает жизнь человека в мире как свободное соревнование, в котором каждый из участников стремится к более достойным, благородным и величественным деяниям. Потому Писание называет человека *халифом*, или наместником Бога на земле, т. е. тем, кто действует во имя Бога и исполняет Его волю. Мир создан Богом таким образом, что он подходит для этого морального предназначения человека. Мир располагает человека к действию: в нем возможно воплощение добра, истины и красоты.

Именно эта цель придает жизни мусульманина смысл. Кроме того, не может быть более важного смысла, чем быть исполнителем воли Бога на земле, воплостителем добра и блага в пространстве и времени. В этом источник гордости и чувства собственного достоинства мусульманина. В сущности, эта цель определяет ему, равно как и всем другим людям, вселенский статус – быть мостом, посредством которого моральное благо реализуется на земле. Цель осуществления морального блага должна быть достигнута при полной свободе личности, т. е. в таких условиях, при которых одинаково возможно и реализовать ее, и нарушить нравственный императив. Из всех существ на земле на это способен только человек.

Что значит быть мусульманином?

Быть *халифом*, наместником Бога на земле, – нелегкое бремя. Во-первых, подразумеваемая такой позицией задача есть задача общемировая. Все в творении является объектом улучшения. Это означает, что задача включает в себя превращение каждого уголка земли в то, чем он только и должен являться, т. е. в Рай. В той же степени будет верным сказать, что на плечи мусульманина ложится задача обучения и преобразования всего человечества, а не только себя самого, своих детей, ближайших родственников или соотечественников. Мусульманин обязан сделать для каждого из людей возможным реализовать его личный потенциал. Потому все проблемы человечества суть проблемы мусульманина. Принять эти проблемы, разыскать достойные в нравственном отношении способы их решения и осуществить их в истории является для мусульманина его обязанностью и задачей, а также требованием его гордости и достоинства. Ислам хочет, чтобы человек столкнулся лицом к лицу с этими проблемами. Ислам заверяет человека, что Бог воздаст за это по заслугам, что Он вознаградит и дарует блаженство в прямой пропорции с тем, как человек отдавался выполнению этой задачи, в соответствии с долей его участия и успехом в достижении божественной цели творения. Цель же – в общем и наивысшем благе всех людей, всех народов, всего сущего. Вся жизнь мусульманина должна быть прожита в служении Богу, т. е. в самообразовании и применении самодисциплины. Служение Ему также включает раскрытие человеком законов природы, чтобы сделать ее использование возможным и простым. Наконец, служение также заключается в жизни в соответствии с намеченным Богом образцом, в соответствии с Его волей. Возможность жить таким образом необходимо дать каждому из людей и всему живому вообще. Мусульманин – тот, кто вмешивается в каждый

природный процесс, чтобы заставить его служить нуждам человека и доставлять ему радость. Мусульманин участвует в жизни всех на земле, чтобы дать каждому возможность наилучшим образом развить свой потенциал, реализовать свое благородное призвание наместника Бога. Очевидно, что следовать по пути ислама – значит жить жизнью, полной опасностей. Но также это значит жить с наивысшими ожиданиями, с величайшей надеждой и с глубочайшей отрадой, на какую только способен человек.

Почему мусульманин есть тот, кто он есть?

Бог есть единственный Создатель и Господин мира, Он – Начало и Завершение всего. Человек – слуга Бога. Служение человека заключается в том, чтобы стремиться превратить мир и человека в то, чем они должны быть. Возможность преуспеть в этом деле вполне реальна. От его успешного завершения зависит благосостояние и счастье человека. Таков взгляд ислама на реальность. Эта точка зрения не лишена оснований и доказательств в свою пользу, однако она отнюдь не однозначна.

Сложно не заметить сразу одну из поразительных черт исламской религии: ее взгляд на мир абсолютно позитивен. Как кажется, ислам предписывает делать благие дела и верит в то, что человек способен подчиниться нравственному императиву и обязательно будет соблюдать это. Но разве по своей природе человек не склонен к противоположному, ко злу? Разве его природа не грешна? Не должен ли он в согласии с этой природой пренебречь установками Бога и преступить заповеди морали? Разве человек не «павшее» существо, нуждающееся в искуплении и спасении прежде совершения благих поступков?

Ислам отвечает на эти вопросы следующим образом. Человек по своей природе действительно склонен к греху, к пренебрежению Богом и ослушанию. Однако столь же верно, что по своей природе он склонен

к покорности Богу, к благим делам и нравственным поступкам. Оба варианта возможны, и человек в равной степени склонен выбрать любой из них. Более того, на деле мы сталкиваемся со следующим фактом: человек может делать зло, творя добро, и наоборот. В этом свете вопрос о ценности и значении того или иного поступка становится еще более сложным. Если бы человек был принужден следовать определенному пути, если бы у него не было свободы выбора, то его действия не были бы ни нравственными, ни безнравственными. В этом случае поступки можно было бы судить только по их материальной пользе или вреду. Однако человек может сам выбирать свой путь. В противном случае никто в здравом уме не счел бы его ответственным в том, что касается морали.

Таким образом, человек не более «падший», чем «спасенный». Поскольку он не является «павшим», он не нуждается в спасителе. Но поскольку он и не «спасен», он нуждается в благих поступках и этике, с помощью которых он только и может заслужить желанное «спасение». Более того, термин «спасение» в данном случае не подходит. Чтобы нуждаться в «спасении», человек должен находиться в положении абсолютно затрудненном – без какой-либо надежды из этого положения выбраться. Рассматривать жизнь таким образом – это то, что менее всего нужно человеку. В этической сфере человек отнюдь не бессилен, он не беспомощная марионетка, которая не способна ни на добро, ни за зло. Он способен и на то, и на другое. Его гордость и слава – в возможности «спасти» себя собственными поступками. Пренебречь этим шансом, закрывая глаза на любые возможности, будет для человека прискорбным упущением. Сознательно же отказаться от призыва к добру и морали и творить зло – значит заслужить наказание и проклятие.

Почему мусульманин есть тот, кто он есть?

Ислам учит, что человек рождается невинным: он остается таковым до тех пор, пока не сделает себя виновным своими же поступками. Мусульманская религия не верит в «первородный грех», ее Книга трактует слушание Адама в качестве его личного проступка, в котором он раскаялся и за который Бог простил его.

Ислам не деморализует человека, объявляя его существом, обязательно и неизбежно грешным по факту его появления на свет. Вместо этого ислам заверяет его, что Бог не творит ничего понапрасну и что он был создан достойным положения наместника Всевышнего на земле. Бог дал человеку глаза и уши, осязание, вкус, обоняние. Бог дал человеку понимающие сердце и ум, воображение и память: все для того, чтобы открыть во всем творении божественный образ и понять его. Бог создал человека таким, какой он есть: с цепкими пальцами, быстрыми ногами, упругими мышцами и крепкими костями. Благодаря этому человек может производить необходимое, понимать суть вещей, изобретать новое. Бог поместил человека на земле, открытой его воздействию – здесь он может трудиться и творить. Наконец, Он дал человеку власть над всем творением, ведь все в мире покоряется ему. Даже Солнце, Луна и миллионы далеких звезд были созданы с единственной целью – для блага человека. Ислам отказывается считать человека проклятым до его рождения. Вместо этого он учит, что человек благословлен всеми этими «совершенствами», жизнью и властью над вещами. Потому от его жизни и ожидается воплощение божественной воли.

Потому ислам отвергает воззрение, согласно которому Богу необходимо было искупить грехи человека жертвой. Такой взгляд вредит и Богу, и человеку, ставя под сомнение трансцендентность первого и морально-нравственный статус второго. Ислам считает Ису (Иисуса) пророком Бога, который должен был донести абсолютно то же послание, что и другие пророки,

и реформировать еврейскую общину, отклонившуюся от ориентиров этих предыдущих посланий. Ответственность за последующее развитие христианского вероучения ислам возлагает на христиан, а не на Ису. Однако успокаивает христиан то, что они на верном пути, особенно в том, что они призывают людей почитать Бога и служить ему, совершая благие поступки. Более того, ислам объясняет «ошибку» христиан потерей аутентичных богооткровенных текстов. Используя их опыт, ислам сохранил абсолютную полноту и аутентичность собственного богооткровенного текста, ведь он был послан Богом, и только Бог – его хранитель и страж.

Если все пророки доносили одно и то же послание, то откуда взялись все религии в истории человечества? Ислам отвечает, что различий в посланиях быть не может, поскольку их единственный источник – Бог. Кроме того, все люди одинаковы, будучи противопоставлены Божественной природе: их главный атрибут – сотворенность, тварность. Переданное через пророков откровение составляет для каждого народа препорученный ему запас истины, ведь Бог возвестил о своей воле всем народам на их собственном языке. Отклонения же от изначального послания стали следствием изменений условий места и времени, усвоения культуры других народов, а также непостоянства и страстей человеческих. Результат этого процесса известен: на протяжении человеческой истории появлялось множество религий, ни одна из которых не сохранила своего изначального богооткровенного текста. В своей первоизданной чистоте все откровения были одноплановыми и содержали одни и те же религиозные и этические принципы. Если в чем-то они и различались, то только в конкретных предписаниях, предложенных в качестве способа практического приложения этих основных принципов. Все откровения одинаково отвечали на вопрос «что?», но по-разному на вопрос «как?». Первый ответ составляет их

сущность и ядро (универсальное и вечное), второй случаен и зависит от исторических обстоятельств и особенностей конкретного народа, которому было ниспослано откровение.

Вечному содержанию откровения соответствует врожденная способность каждого человека узнавать Бога и понимать Его волю, выраженную в необходимости достижения блага, добра и в нравственном долженствовании. Речь не идет о простой наделенности человека органами чувств и разумом, о чем говорилось ранее. Помимо них существует шестое чувство, присущее всем людям, – врожденный *sensus communis* (здравый смысл), благодаря которому все они могут воспринимать Бога. Способность распознать высшую Божественную реальность изначально заложена в человеке. Нет человека без религии, и нет религии без Божественного. Если Божественное и представлялось людям в различных формах, то лишь из-за их воспитания, их культурного и религиозного наследия. *Sensus numinis* (чувство божественного) в каждом человеке заставляет его осознавать присутствие Бога, Святого, и Его волю в качестве морального императива. Все это доказывает, что у Бога имеется больше одной причины считать всех людей одинаково ответственными перед Ним.

Верно и обратное: человек должен считать других людей равными себе и относиться к ним сообразно этому. Нравственные поступки человека, благодаря которым он исполняет волю Бога, должны затрагивать все человечество. По крайней мере он обязан стремиться к этому. Конечно, соображения географической близости и стратегического удобства вынуждают человека начинать с благих дел у себя дома, с самого себя. Но человек не может ставить одних людей выше других, если он осознает необходимость быть добрым и справедливым. Являются ли люди субъектами морального действия или объектами, все они равны, поскольку в равной

степени сотворены Богом. Их атрибут тварности есть та причина, по которой они обязаны служить Богу. Универсализм установлен самим Богом в качестве принципа и Богом же вменен в обязанность людям.

Ислам появился в семье семитских народов, к которой относятся и евреи. Заслуга (достоинная восхищения) последних в том, что им удалось сохранить откровенное учение о трансцендентном и Едином Боге. Однако ислам возлагает на евреев ответственность за неправильное понимание этой трансцендентности: они считали, что их народ связан с Богом особым образом, каким не связаны с Ним другие Его создания. Ислам расценил учение евреев о богоизбранности как неприемлемое, ставящее их выше других народов в том, что касается покровительства Бога. Евреи считали себя детьми Божиими и избранными вне зависимости от их деяний. Ислам считал это заслуживающим осуждения и наказания. Мусульманская религия видела себя в качестве религии Ибрахима (Авраама), Йакуба (Якова), Мусы (Моисея) и Давуда (Давида), поскольку все эти пророки несли людям откровенное послание в его чистой и незамутненной форме. Следовательно, мусульманин идентифицировал себя с евреями как почитатель и слуга того же трансцендентного Бога. Мусульманин видел свое религиозное учение как иудаизм, очищенный от этноцентризма и в особенности от учений о богоизбранности как пережитке. Касаемо еврейского права и этики, ислам подтвердил откровение Исы в той степени, в какой оно отринуло буквализм и законничество, накрученные еврейской традицией вокруг Закона Моисеева, и отказалось от законов, добавленных к нему раввинами.

Ислам считает, что религиозная власть принадлежит только Богу. Тиранам выносятся строгий приговор, и каждый человек обязан столкнуть их с дороги. Поэтому дорога к Богу должна быть открытым и свободным путем с одним-единственным требованием для путешест-

венников – быть сотворенными Богом. Ислам тем самым учит отвержению духовенства и всех его порядков и чинов. Учит истине, направлять молодых и наставлять заблудших – эти задачи будут существовать до тех пор, пока существует человечество. Кроме того, они составляют всеобщий долг, в равной степени лежащий на плечи всех людей. Авторитет в выполнении этих задач может принадлежать любому человеку, достигшему вершин знания, которое, в свою очередь, доступно всем. Многовековая узурпация духовенством полномочий посредника между Богом и человеком подошла в исламе к концу. Бог есть Прощающий, Карающий, Судья и Единственный Господин, но не обладает этим правом священник. Бог не препоручает эти полномочия ни одному созданию, поскольку это нарушило бы Его трансцендентность, привело бы к потере роли единственного владыки и судьи людей. Бог рядом и слышит молитву каждого человека. Его милость и забота о человечестве, равно как и Его всемогущество, требуют от человека прямого обращения. Бог не нуждается в бюрократии.

Духовенство обычно осуществляет функцию исполнения таинств. Однако именно таинства отрицает и порицает ислам, как то делал до него иудаизм. Таинство – это ритуал, якобы посредством которого молитва человека направляется к Богу, а часть Божественной благодати получает человек в ответ при посредстве священника. Ислам считает мысль о существовании этих двух каналов коммуникации ошибочной: молитва человека достигает Бога без каких-либо посредников, и никакая часть Божественной силы или природы не проникает в наш мир без угрозы для Его трансцендентности. Святость, незыблемость и сила Бога принадлежат Ему одному. Они не могут быть распределены, отданы какому-либо созданию, поскольку Творец и творения представляют два разных типа бытия, которые никогда

не смешиваются. Допустимым будет разве что сказать, что сама жизнь представляет собой единственное таинство, поскольку Бог есть источник жизни, а жизнь человека есть хвалебный гимн Богу, исполнение Его приказания, своего рода «возвращение» к Нему. Однако даже это утверждение означает конец восприятия таинства в качестве фрагментации и рассеивания Божественной природы. С устранением духовенства теряет свою необходимость таинство священства, рукоположение. В свою очередь, если нет таинств, то не нужны и священники. Если нет первородного греха, то никого не нужно крестить. Поскольку Бог напрямую контролирует дела людей, то Его почитатели, благодарные Ему, исповедующиеся перед Ним, просящие Его могут обращаться напрямую к Его Божественному присутствию.

Воистину, только Бог является Господином, и Он Единственный Господин. Только Бог – Судья, и Он знает обо всем – ничто не ускользнет из-под его власти. Никакому человеку не подвластно распределять Его могущество. Выносить приговор всей жизни человека или любому его деянию есть прерогатива Бога, а не человека. Итогом человеческой жизни является момент, когда каждому будет отмерена его награда или наказание в День воскресения (*Кийамат*). Согласно взгляду ислама, «иной мир» или «иное царство» означают лишь это завершение человеческой жизни, подведение итогов. Здесь не подразумевается какого-то принципиально иного мира, другого пространства и времени, созданного для замены нашего мира и избавления от всех его недостатков и изъянов. Это ошибочное воззрение было унаследовано иудаизмом от зороастризма: считалось, что в ином мире будет установлено абсолютное благо, которое навсегда утеряно в нашем мире и которого в нашем мире достичь невозможно. Считалось также, что царство Давида было царством Божьим и что Бог пошлет мессию, который придет в конце времен,

принесет с собой апокалипсис и восстановит это царство. Христианство тоже следовало этому пути в своем учении, однако оно пошло еще дальше. Утверждалось, что этот мир есть мир навеки павший и искаженный, а потому он не может быть реальностью, в которой осуществится абсолютное благо. Иной мир представлялся в качестве идеализированной замены нашему: в нем не будет ничего, кроме радости, удовольствия и блаженства, уготованных тем, кто «спасется». Ислам отринул оба взгляда как уничтожающие веру человека в себя и в этот мир. Вновь заявляя об изначальной невинности и доброте человека и мира, ислам учил, что осуществление абсолюта в этом мире не только возможно, но также является необходимостью и долгом каждого мужчины и женщины здесь и сейчас. Ислам предупредил человечество, что нет другого мира помимо нашего, что не существует другого пространства и времени помимо нашего, что все обязанности и надежды человека должны быть реализованы в этом мире, если им вообще суждено быть реализованными.

Мусульманин верит, что наш мир есть мир Бога, царство, где мечта может быть воплощена, если человек исполнит свой долг и ответит покорностью на Божественный призыв. Бог желает, чтобы человек совершал благие поступки, которые, в свою очередь, на самом деле превращают данный мир в идеальный. Цель творения с самого начала была такова. Миру не было уготовано пасть или отклониться от этого пути. Ислам полагает, что иной мир не есть какой-то «другой мир». Он не альтернатива нашему миру, а лишь вынесение приговора касательно того, попытались ли мы преобразить этот мир и получилось ли у нас. Иной мир будет отличаться от нашего и будет, следовательно, «другим» не потому, что будут отменены наши разочарования и лишения. Он будет иным потому, что он будет трансцендентен, он будет находиться за пределами

этого пространства и этого времени. Однако это не то, что называется «миром». Иной мир не новое измерение: его вообще нельзя измерить. Не будет он и копией этого мира, в которой печали будут заменены радостями. Иной мир – Рай или Ад, но только в смысле наказания или награды, которые станут осуществлением приговора суда над человеком.

Только такой взгляд согласуется с преданностью, верностью этому миру, считает ислам. В противном случае мир был бы лишь мостом, переправой, на которой мы – временные здесь люди, в цели которых не входит ни жизнь здесь, ни строительство, а лишь достижение другого берега. Такое воззрение предполагает отрицание этого мира. Ислам же, наоборот, принимает этот мир, утверждая, что он единственный. Мы либо достигнем успеха, поступая правильно, либо столкнемся с провалом, если будем поступать неправильно. Мы свободны и ответственны одновременно, а значит, все, что мы делаем в этом мире, обернется в конечном счете в нашу пользу или против нас. В Судный день, который будет концом этого мира, мы получим то, что заслуживаем, – блаженство или вечные муки. Благодетельность и нравственность (т. е. покорность Богу) должны стать нашим выбором в этом мире по двум причинам: во-первых, они приносят нам счастье и делают создание идеала в нашем мире возможным; во-вторых, они в то же время гарантируют нам блаженство после Судного дня, ведь они выражают покорность Богу. Именно поэтому, как считают мусульмане, ислам позволяет человеку достичь сразу двух видов счастья – счастья в мире нынешнем и счастья в будущей жизни (К. 2: 201).

С какого момента кто-либо стал считать себя мусульманином?

Ислам как мировое религиозное движение родился в первое десятилетие VII в. н. э. в городе Макке на Аравийском полуострове. Учение ислама проповедовал Мухаммад, сын Абдуллы, происходивший из племени курайшитов. В зрелом возрасте (ему было 40 лет) он стал получать видения, в которых Бог через посредничество ангела Джibriла (Гавриила) ниспосылал ему откровение. Это откровение было откровением от Бога, но не откровением Бога. Оно содержало сообщение Его воли, или Его приказаний, выраженных на арабском языке при помощи совершенных и безупречных формулировок. Откровение ниспосылалось по частям. Иногда оно предоставляло решение сложной ситуации в форме исключения из принятого правила или руководства в данных обстоятельствах. Иногда это был широкий религиозный контекст, связанный с существованием неверных, а также евреев и христиан, которых было много в Аравии и прилежащих государственных образованиях. Поначалу сам Мухаммад не поверил в то, что ему явилось, и посчитал это иллюзией, дьявольским искушением или одержимостью. Однако видения продолжались, и он убедился в том, что Бог действительно призывал его к началу проповеди новой веры.

Первой из новообращенных стала жена Мухаммада, чья верность мужу сделала ее мусульманкой еще до того, как сам Мухаммад осознал, что является Пророком. Далее религию приняли другие родственники Мухаммада и его друзья, и ядро сообщества было сформировано. Арабы пока оставались глухи к словам Мухаммада. Их традиционная племенная религия отрицала единство и трансцендентность Бога, равно как и Судный день. Им казалось, что жизнь должна быть основана на определенном своде воинских доблестей, на гедонистических и материалистических представлениях. Поначалу они просто презрительно отзывались о новой религии, подвергали ее публичной брани. Однако Мухаммад и его сподвижники крепко стояли на своем, и оппонентам пришлось пустить в ход подрывную деятельность, хулу и судебное преследование. Формирующееся сообщество решительно и терпеливо выдержало выпавшие на его долю испытания и продолжало расти. Макканские власти и знать вскоре решили, что другого пути, кроме тотальной войны против возникшего мусульманского сообщества, у них нет – по крайней мере, если они хотят сохранить свои позиции в религиозной, социальной, политической и экономической сферах. Они попытались подкупить Мухаммада, предложили ему богатство, царство и излечение его «помешательства» наиболее выдающимися лекарями мира. Но Мухаммад ответил отказом. Тогда макканская элита попыталась разрушить племенную солидарность хашимитов – клана, к которому принадлежал Мухаммад и от которого зависела безопасность мусульман. Они обратились к дяде и личному защитнику Пророка, хашимитскому старейшине Абу Талибу, который не был мусульманином, потребовав исключить Мухаммада из клана. Престарелый дядя умолял Мухаммада перестать наносить ущерб клану, репутация которого была на краю пропасти. Однако Пророк ответил: «Если бы

С какого момента кто-либо стал считать себя...

мне положили солнце в правую руку и луну в левую в обмен на религию Бога, я бы все равно не согласился, даже если мне суждено сгинуть, проповедуя ее!» Когда и эта попытка окончилась неудачей, макканцы начали готовить заговор с целью убийства Мухаммада.

Почувствовав опасность, Мухаммад заключил соглашение с новообращенными мусульманами из Мадины. В случае необходимости они должны были обеспечить ему и его последователям безопасность. Когда момент настал, он перехитрил своих врагов и перебрался из Макки в Мадину. Мусульманское сообщество Макки соединилось с мадинским под предводительством Пророка. С перемещением сообщества в Мадину опасность не исчезла – скорее, она стала еще более серьезной. Между Маккой и Мединой разразилась война, в которую были втянуты также все окрестные племена, поскольку обе стороны стремились собрать под своими знаменами наибольшее количество боеспособных мужчин.

После прибытия в Мадину Мухаммад соединил всех происходивших из разных племен мусульман в единое сообщество, включив в него также мадинских евреев. Так появилось первое исламское политическое образование. Мухаммад установил для него основные законы и взял бразды правления в свои руки. Откровения продолжали ниспосылаться ему, помогая в разрешении социальных, политических, экономических и правовых вопросов. Война с Маккой началась с небольших столкновений, однако вскоре произошли две крупные битвы. Каждая из сторон одержала по одной победе, но разбить противника окончательно и закончить конфликт военным путем не удалось ни макканцам, ни мадинцам. Было заключено перемирие, в ходе которого ислам привлек на свою сторону тысячи новых последователей. Когда союзники Макки нарушили перемирие, мусульмане мобилизовались и вступили в Макку, взяв ее без боя. Мухаммад проявил великодушие и простил

макканцев – почти все они приняли ислам. Пророк вошел в Каабу, святыню, построенную Ибрахимом (Авраамом) и его сыном Исмаилом (Измаилом) для почитания Единого Бога (впоследствии ее заполонили племенные идолы арабского пантеона). Мухаммад уничтожил идолов и изображения богов, очистил и заново освятил Священный Дом Бога.

Далее последовали одна за другой кампании, призванные принести ислам всем остальным племенам Аравии. Многие из жителей полуострова почувствовали себя свободными от власти языческой Макки и свободно и сознательно раздумывали о том, чтобы утвердительно ответить на призыв ислама. Они добровольно присоединились к новой религии. Другие были готовы сражаться против нее даже без предводительства Макки – их пришлось покорить силой. Однако среди новообращенных были и те, кто не принадлежал к арабскому язычеству. Арабские христиане и иудеи также переходили в ислам в значительном количестве. Однако отказавшихся принимать ислам и оставшихся в лоне своей веры людей не ущемляли. Наоборот, действуя в соответствии с установлением Корана, Пророк признал христианство, иудаизм и религию сабеев богооткровенными и истинными, отнесясь по-братски к их последователям, и интегрировал их в исламское государство, не запрещая сохранять свою религию, культуру, обычаи и немусульманскую идентичность. Исламское государство было защитником этих вероисповеданий. Их последователи жили под его покровительством в качестве автономных (в религиозном, культурном и правовом плане) образований, целостных сообществ, со своими школами, храмами, судами и руководителями. Однако вся Аравия объединилась в скорби в момент смерти Пророка в 632 г. н. э., через 10 лет после хиджры (исхода) его в Мадину. Все были готовы распространять послание Аллаха по миру. Мухаммад успел отправить

посланцев лидерам тогдашнего мира с приглашением стать частью исповедующих ислам, или, если они того хотели, сохранить собственную, но присоединиться к новому исламскому мировому порядку, построенному на принципах свободного передвижения людей, свободного обращения идей и открытой торговли. Некоторые отвечали дружбой и симпатией, другие – убийством посланников.

В течение ста лет после смерти Пророка мир был свидетелем одних из самых зрелищных завоеваний в человеческой истории. После победоносного шествия по Северной Африке мусульмане завоевали Испанию и достигли Франции. Они дошли до Средней Азии и реки Инд на Востоке после молниеносного покорения сасанидской Персии. Рухнули две величайшие империи той эпохи – Персия и Византия. Однако еще более зрелищным было то, как сильно привлекло новое исламское мировоззрение христиан, в течение многих веков раздираемых византийскими теологическими распрями, и персов, страдавших от кастового неравенства и весьма несправедливого общественного и религиозного устройства. В течение жизни одного поколения к исламу присоединились миллионы мужчин и женщин.

Привлекательность ислама заключалась в аргументированности и логичности его теологических утверждений. Мир был создан Богом, Единым и Превознесенным, который один только и представляет собой трансцендентное бытие. В мир вплетен Божественный узор, поэтому он есть упорядоченный космос. Бог также создал человека разумным, свободным и ответственным. Используя свои способности, человек может достигнуть блага во всем этом мире, равенства и братства для всех людей. Все люди равны, а это означает, что никого нельзя называть еретиком, что не может быть никакого принуждения в религии, равно как и никакой имперской колонизации одного народа другим. Бог не хочет, чтобы

человек умерщвлял себя, не хочет от него жизни аскета или монаха. Скорее, жизнь человека должна быть изобильной, полной счастья и радости, но в то же время реализующей в себе нравственные законы чистоты, преданности Богу, справедливости и честности, любви и братства. Человеку суждено служить Богу на Его земле, обустраивать эту землю и делать ее плодородной. Мир обилен и может стать осуществлением человеческого идеала. Поступать таким образом, упорно добиваться своего – значит гарантировать себе успех и счастье в этом мире и в Судный день. Нет и не может быть опосредованного греха и опосредованной вины, опосредованного страдания, опосредованного наказания, опосредованных заслуг и опосредованного спасения. Блаженство или осуждение каждая душа получит по заслугам в соответствии со своими деяниями.

Еще более обезоружило и завоевало сердца всех адресатов исламского призыва то, что мусульмане действительно поступали так, как они учили в рамках своей религии. В их действиях не было никакой раздвоенности, никакого двоемыслия, никакого лицемерия, никакой скрытой расовой дискриминации. Мусульмане с готовностью сочетались браком с жителями других стран даже до их перехода в ислам, что мгновенно меняло статус побежденных. Те становились родственниками победителей. У мусульманского рационализма и прагматизма не было почти никаких ограничений: мусульмане могли явиться с поклоном к немусульманскому мудрецу без тени стыда и спеси. Они искали знания и мудрости. В особенности они стремились продемонстрировать истинность своей веры, желая этим также доказать, что ислам действительно дает человеку счастье и в нынешней жизни, и в Грядущей (К. 2: 201).

Страстное стремление мусульман к этим двум видам счастья вылилось в земную мудрость и успех, а также в нравственное благополучие. Исламские наука, техника,

искусства и литература стали быстро развиваться, а исламская империя процветать. Мораль же мусульман оставалась безукоризненной, а честь незапятнанной. Все это вселило в сердца немусульман глубокое чувство уважения и восхищения последователями ислама, а также стремление превзойти их или присоединиться к ним. Когда о решении присоединиться к исламу заявлял иноверец, то сколь бы низок ни был его статус или происхождение, он сразу поднимался до высочайшего уровня в мусульманском сообществе, объявлялся братом всем верующим, мог вступать в брак с ними и с распростертыми объятиями приветствовался в настоящем братстве верующих. Именно по этим причинам поступления в казну от *джизьи*¹⁰ сократились в первые пятьдесят лет после завоеваний с миллионов динаров до пустяковой суммы. Обращение иноверцев в мусульманскую религию было массовым.

Весна и лето исламской империи длились пять веков, в течение которых мусульмане были впереди остального мира во всех областях – от астрономии до изготовления специй. Они открыли новые земли и дали начало новым отраслям знания. В то же время их энергия тратилась, и начался упадок во многих сферах. Внутренняя раздробленность ослабила мусульман задолго до наступления врагов на их земли. Индивидуализм, озабоченность личным спасением ослабили внутреннюю сплоченность государства и общества. Неверное понимание духовного благосостояния в виде гнозиса мистиков притупило умственные способности мусульманина, отняло у него способность эмпирического

¹⁰ *Джизья* – подушная подать с иноверцев в мусульманских государствах. От выплаты подати освобождались женщины, старики, инвалиды, нищие, рабы. Мусульмане же выплачивали *закят* и обязаны были воевать в рядах мусульманской армии.

и прагматического рассуждения, сделало его пленником эзотерических фантазий шайха, пира или старца-мистика.

В то же самое время величайшая в истории резня была начата среднеазиатскими монголами. Их целью было покорение всего мира. К сожалению, исламская империя стала первым препятствием на пути неистовствовавших орд. Они обрушились на государство мусульман с яростью и огнем, стирая с лица земли один город за другим, опустошая одну провинцию за другой. Одновременно с этим европейские крестоносцы напали на империю с запада. Хотя мусульманам удалось отбить нападения крестоносцев, обратить в ислам монголов и привить свою культуру всем не пожелавшим возвращаться домой захватчикам, бóльшая часть мусульман попала под власть консервативных настроений из-за страха искоренения их религии. Они отказались от участия в истории из-за собственной озабоченности «вечностью». Когда в начале XIV в. возвращение Испании европейцами стало неизбежным, исламизированная прослойка бывших завоевателей с Востока, все еще полных энергии и мощи, приняла бой с целью возродить пострадавшую империю. В течение одного поколения империя встала на ноги и вновь пошла войной на Европу, пока та была занята завоеванием Испании. Мусульмане захватили Малую Азию, а в 1458 г. пал Константинополь. Европа остановилась после захвата Испании, однако мусульмане не остановились и шли дальше. Век спустя они взяли в осаду Вену, завладев к тому моменту всеми территориями между ней и Малой Азией. Помимо этого, им покорился весь Кавказ, юг России и Польша.

На два или три века распространение эпидемии мистицизма было остановлено, но он не был искоренен целиком и полностью. Новая империя стала для него легкой добычей, и вновь повторилась старая драма внутренней слабости, переходящей затем в слабость перед лицом угрозы извне. Европа не только восстановилась,

но также стала сильной настолько, что смогла изгнать мусульман со своих территорий (за исключением мусульманских сообществ Албании, Югославии и других балканских стран). Европейские армии оккупировали весь мусульманский мир (кроме Центральной Аравии и Йемена) и разделили его на части. Мусульманский мир стонал под бременем колониального владычества, растянувшегося где-то на столетие, а где-то на целых три.

Как и в прошлые эпохи, ветер реформы и возрождения взметнулся в самом сердце Аравии. Из пустыни были слышны призывы отречься от мистицизма и вернуться к воззрениям чистого ислама, во главу угла ставящим жизнь и процветание цивилизации. Мусульманский мир ответил целой серией движений, целью которых было очистить и восстановить исламское общество. Вскоре эти движения стали политическими, поскольку колониальная Европа мобилизовалась для их пресечения. Моментально образовались две сражающиеся стороны. Одну представляла Европа, желавшая распространения христианства в своих колониях, возможности дальше эксплуатировать мусульманские земли и труд мусульман, а также стремившаяся защитить своих колониальных поселенцев. Другой сражавшейся стороной был мусульманский мир, защищавший свою родную религию, религию своих отцов от иностранной агрессии, а свою землю и людей от нападения чужаков, оккупации и колонизации.

На настоящий момент ситуация не изменилась кардинальным образом. Военную конфронтацию заменила экономическая, неоколониальная. Средства и методы эксплуатации и подрывной деятельности стали более тонкими и незаметными. Мусульманский мир переживает модернизацию и индустриализацию в бешеном темпе, осуществляя многовековой скачок в краткие сроки. Западный же христианский мир, более развитый, нуждается в материальных и людских ресурсах.

Пятьдесят лет назад мусульманское присутствие на христианском Западе было представлено малой группой людей. Сегодня же мы наблюдаем обильный поток иммигрантов, занимающих позиции как на фабриках, так и в университетах. Теперь в Европе и Америке множество коренных жителей-мусульман, и их число, вне всяких сомнений, будет увеличиваться.

Ваш сосед в центре европейского или американского мегаполиса может оказаться мусульманином. Он может быть белым, а может цветным. Он может (помимо английского) говорить на любом из дюжины исламских языков. Он также может быть столь вестернизированным и столь внедренным в местную культуру, что о его вероисповедании вы узнаете только из разговора.

Часть 2

Моменты религиозной жизни
мусульманина

Шахāда (исповедание веры)

Мусульманин признает, что нет иного бога, кроме Аллаха, и что Мухаммад есть Посланник Аллаха. Это признание называется *шахāда*, или «свидетельство». Оно не только является его официальным пропуском в мусульманское сообщество, но также составляет квинтэссенцию его веры и выражение его идентичности. *Шахāда* читается вслух много раз в день в различных случаях. Первая половина *шахāды* подразумевает в себе те принципы, о которых мы говорили в главе второй (оправдание поступками, смирение и покорность Богу, отрицание тирании и других богов, наместничество человека на земле, самореализация). Вторая часть свидетельства о вере признает пророческую миссию Мухаммада. Она означает, что свидетельствующий признает, что переданное Мухаммадом в действительности есть ниспосланное Богом. Откровения, собранные вместе в том порядке, в каком сам Пророк повелел читать их вслух, составляют Священный Коран, Писание ислама. Засвидетельствовать, что Мухаммад есть пророк Бога, – значит засвидетельствовать, что Коран есть святое слово Бога, полное, переданное в точности и в нужном порядке. Свидетельствующий также признает, что коранические приказания обязательны. Они возложены на мусульманина в качестве вечного закона.

Авторитет и значение фигуры Пророка не ограничивается лишь тем, что он в точности передал Святое Слово Бога. Он также претворил Откровение в дело в своей собственной жизни. Жизнь Мухаммада, его поступки и решения, одобрение и порицание им тех или иных вещей – все это является совершенным воплощением исламского послания. *Сунна* Пророка («проложенный путь» или «пример») тем самым является для мусульманина нормативным образцом и представляет собой назидание в том, «как» нужно применять на практике содержание («что») откровения. Все мусульманские ритуалы, равно как и значительная часть предписаний исламского права и этики, выведены из *Сунны*. *Сунна* дошла до нас в форме сообщений сподвижников Пророка, переданных следующим поколениям. Эти сообщения называются хадисами¹¹.

Аутентичность и целостность текста Корана никоим образом не может быть поставлена под сомнение. Коранические откровения были ниспосланы в эпоху, когда уже существовала развитая историческая традиция. Они были записаны и выучены наизусть тысячами людей, представлявшими народ, который обладал самой развитой памятью во всем мире. С момента откровения Коран всегда читался вслух на публике. При этом слушавшие были прекрасно знакомы с текстом – не важно, в какой точке мусульманского мира они находились. Мусульмане уделяли огромное внимание чтению вслух и переписыванию текста Корана, поскольку знали, что рецитируют *ipissima verba* (наиподлиннейшие слова) Бога. Примером такого строгого и внимательного отношения может служить следующее.

¹¹ То есть хадисы содержат информацию о словах и поступках Пророка, что и составляет *Сунну*. – *Примеч. пер.*

Акт поклонения, обязательная молитва не может быть прервана ни при каких условиях, даже если молящемуся грозит опасность. Это связано с тем, что произносящий молитву мусульманин должен осознавать, что стоит перед Богом. Однако в единственном случае это правило может быть нарушено. Если кто-то допустил ошибку при чтении Корана вслух, руководитель молитвы может прервать ритуал, и указать на погрешность во всеуслышание. Наконец, в эпоху, когда халиф 'Усман (годы правления – 644–656 гг. н. э.) собирал текст Корана в книгу, а затем опубликовал его, внутренние конфликты и борьба за власть раздробили мусульманское сообщество. Кровавое соперничество фракций длилось века, причем каждая находила себе в поддержку аргументы и цитаты из Святого Писания. При этом ни одна сторона никогда не обвиняла соперника в подделке или искажении текста. Это была финальная проверка, и Коран выдержал ее с блеском. Именно поэтому сэр Уильям Мьюр выступил в поддержку ученого заключения Йозефа фон Хаммера: «Мы (ученые) уверены в том, что Коран представляет собой исторический источник, содержащий слова Мухаммада, в той же степени, в какой мусульмане уверены, что он является словом Бога».

Тексты *Сунны* не обладают таким безусловным авторитетом. Мусульмане вполне сознают, что *Сунна* подвергалась искажению, когда устно передавалась первыми четырьмя поколениями верующих. Потому мусульмане всегда осторожны и стараются маркировать заслуживающие доверия хадисы как «достоверные» или «подлинные» (*ас-сахиха*). Для того чтобы отличить достоверные хадисы от слабых или поддельных, мусульмане довели до совершенства отрасли знания, связанные с критикой текста. Кроме того, были тщательно

разработаны дисциплины, позволяющие критиковать и подтверждать историческую достоверность цепочек передатчиков, каждого хадиса, его языковой выразенности, редакции текста, согласованности и разумности содержания текста и его соотнесенности со Священным Кораном, а также с историческими данными и накопленным знанием человечества. Любовь и уважение мусульман к хадисам Пророка не знала границ. Поэтому они сохранили все материалы, происхождение которых связывалось с Мухаммадом (по крайней мере, они претендовали на это). Однако они также подразделили их на целые серии категорий, отличавшихся по степени (возраставшей или убывавшей) аутентичности.

Пророчество Мухаммада, ограничившее себя словесной передачей слова Божьего, представляет нам совершенство целого явления пророчества как такового в семитской культуре. Разумеется, другой вершиной этой истории необходимо признать Мусу (Моисея), после которого пророчество в Израиле деградировало настолько, что появились сотни псевдопророков, бегавших по базарам, но неспособных убедительным образом подтвердить весомость своих притязаний. Ислам вернул пророчеству его достопочтенный статус. Однако времена поменялись. Теперь пророк не мог подтвердить свой статус чудесами, туманящими разум человека. Поэтому ислам не верит в чудеса и не приписывает ни одного чуда Мухаммаду. По мнению мусульман, пророчество Мухаммада подтверждается великолепием и величием самого откровения, Священного Корана, а не какими-либо необъяснимыми нарушениями законов природы, сбивающими с толку человеческий разум или превосходящими понимание людей. Откровение Корана обращается к сознанию человека, к его разуму. Оно обосновывает свои утверждения при помощи

критики. Коран не «соблазн»¹² и не «камень преткновения». Коран не приказывает слепо верить и повиноваться. Вместо этого он призывает человека рассмотреть доказательства, сравнить и сопоставить заявления и опытные данные, делать выводы только тогда, когда он будет уверен и убежден в их истинности.

Поэтому в исламе никогда не было клерикальной власти, церковных соборов и вообще церкви, обладающей правом *магистерииума*¹³, правом выносить решения в отношении ислама *ex cathedra*¹⁴. Религиозная истина в исламе есть дело аргументации и убеждения. Право поучаствовать в этом имеется у каждого: каждый может убеждать и быть убежденным. Свидетельство о том, что Мухаммад – пророк Аллаха, означает в конечном счете убежденность произносящего в истинности и целесообразности утверждения, что религиозная истина есть истина критическая, требующая доказательства и обладающая способностью убеждать. Этот вывод позволяет в совершенно новом свете взглянуть

¹² У автора – scandalon. В греческом тексте Нового Завета знаменитые слова апостола о том, что для людей Христос оказался «соблазном», переданы именно этим словом – «скандалон». Изначально оно означало стержень, на который насаживается приманка в западне и который приводит в действие механизм ловушки. – *Примеч. пер.*

¹³ Магистерииум (лат. magisterium) – учащий авторитет церкви, особенно в том смысле, как он понимается римско-католической теологией, наделяющей этим авторитетом папу и епископов. – *Примеч. пер.*

¹⁴ Ex cathedra (лат. – букв «с кафедры») – католический термин, обозначающий учение папы, которое он произносит официально, исполняя свои обязанности учителя и пастыря всех католических христиан. Согласно догмату о папской непогрешимости учение по вопросам веры и нравственности, произнесенное папой ex cathedra, обладает безошибочностью (лат. infallibilitas). – *Примеч. пер.*

Шахāда (исповедание веры)

на первую часть *шахāды* («Нет иного бога, кроме Аллаха (Бога)»). Данное утверждение рационально, в его истинности нас не может убедить какой-либо авторитет или принуждение. Мы должны рассудить, подумать, со всей серьезностью и ответственностью рассмотрев все доказательства. Даже если мы в порядке эксперимента решим отринуть это утверждение, мы сможем сделать это только в соответствии с оговоркой, что истину возможно познать, что она, подобно Богу, одна. Но разве Бог не есть истина?

Намаз (поклонение, молитва)

Более подходящим переводом слова *салат* является не «молитва», а «почитание», «поклонение». Широко известно, что молитва не обязательно выполняется в установленной форме, она неформальна. Ее стиль не регламентирован, она может читаться где угодно и когда угодно. Молитва не имеет предписанного порядка, как это имеет место в обрядах причастия или крещения. Ислам знает форму общения с Богом, подходящую под определение «молитвы». Эта форма называется *ду'а'* (буквально «мольба», «воззвание», «обращение»). Как мольба, *ду'а'* может варьироваться в зависимости от своего содержания (может быть прошением, мольбой о прощении, благодарением, восхвалением).

В отличие от *ду'а'*, намаз имеет определенную и точную форму. Его необходимо читать вслух пять раз в день в определенное время. Если этот конкретный момент пропущен, то можно наверстать, но только с пониманием, что данный намаз лишь заменяет непрочитанный ранее. Намаз есть исполнение приказания Бога, данного Им всем взрослым мусульманам (мужчинам и женщинам). Если человек открыто отказывается исполнять намаз, то он не принадлежит к исламу. Если мусульманин пренебрегает намазом, то он тем самым совершает тяжкий грех, в котором ему необходимо будет раскаяться, и его нужно будет исправить. Однако ни у одного мусульманина нет власти заставить другого выполнять намаз. Никто не может подвергнуть мусульманина судебному преследованию или обвинить его

в вероотступничестве за халатность в выполнении намаза, если только это не сопровождается общественным неповиновением в исполнении заповеди.

Перед намазом производится ритуальное омовение. Оно имеет и реальный, и символический смысл, причем оба необходимы. Человек не может приблизиться к Божественному присутствию в состоянии оскверненности или в грязной одежде. Подобно месту, где мусульманин молится (и молитвенному коврику, который используется повсеместно в исламском мире), его одежда и тело должны быть чистыми. Грязную одежду перед намазом необходимо сменить. Руки, рот, нос, лицо в целом, голова, шея и уши, руки по локоть и ступни по щиколотку должны быть омыты в чистой (желательно проточной) воде. Всему ритуалу должно предшествовать безмолвное заявление самому себе о своих намерениях. Мусульманин должен признать, что он начинает ритуал во имя Бога и только ради Него.

В том, что касается физической чистоты, омовение является более чем целесообразным мероприятием. Мы можем по достоинству оценить его профилактическое значение. Пустынным народам необходимо отмываться от пыли, а работающим на орошаемых землях земледельцам – от грязи. Омовение полезно и в промышленных городах, где копоть и другие атмосферные выбросы грозят нам отравлением. В любой точке мира психологи одобрили бы омовение за его освежающий и восстанавливающий эффект, ведь оно производится пять раз в день (на рассвете, в полдень, в предвечернее время, во время заката и ночью). Теперь необходимо прояснить символическое значение омовения. Целью ритуала является подготовка себя к общению с Богом. Ему предшествует *нийат* – мотивация, намерение совершить осознанное действие, намаз. *Нийат* задает ритуалу настроение серьезности и важности: человек готовится вступить на территорию священного.

Намаз может быть выполнен в любом месте, поскольку Бог присутствует везде, где бы ни находился мусульманин. Не существует святой земли. Мечеть – лишь место, отведенное для поклонения, оно не является «освященным». Намаз может быть выполнен человеком самостоятельно, ведь в исламе нет священнослужителей и таинств. Выполнение его с единомышленниками желательно, но не обязательно. Обязательным является присутствие мусульманина в мечети на пятничном коллективном полуденном намазе (*джум'а*). Проведением коллективного намаза управляет имам (руководитель). Его функция заключается в координации движений начала и завершения намаза, а также коленопреклонения и простириания (земного поклона). Управлять ритуалом может любой мусульманин, если он в состоянии верно рецитировать Коран. Во время пятничного полуденного богослужения в мечети имам также совершает *хутбу*, мусульманскую проповедь. Темой проповеди должен быть животрепещущий вопрос жизни мусульман. Имам должен также стараться приводить связанные с этим вопросом фрагменты Корана и хадисы.

На коллективный намаз Коран рекомендует одеваться в самую лучшую одежду по всем правилам приличия. Перед его началом имам удостоверяется, что ряды собравшихся верующих выстроились ровно, что они одинаковы по численности и непрерывны. Все поворачиваются в сторону Каабы в Макке. Зрелище выполняющих салат мусульман, сначала стоящих ровными рядами, затем коленопреклоненных, затем простирающихся до самой земли, чрезвычайно выразительно и трогает наблюдателя до глубины души. Ровные ряды указывают на всеобщее равенство, братство, полноту и цельность сообщества, а также на существование в нем крепких связей.

С рассветом ночь завершается и начинается день. Ислам предписывает начинать день с намаза, в котором

Намаз (поклонение, молитва)

Богу воздается хвала и в котором просят о Его руководстве, благословении и милости. Промежуток между утренним и полуденным намазом обычно составляет около 7–8 часов, которые можно и нужно использовать для работы. Если труд тяжелый, то этого промежутка достаточно для удовлетворения нужд развитой и организованной экономической системы. Если труд легкий, то его можно продолжить после полуденного намаза, который также может служить перерывом для восстановления сил. Необходимости в работе после предвечернего намаза быть не должно, разве что в случае чрезвычайной ситуации или удовлетворения собственных нужд и желаний. Вечерний намаз завершает день, а ночной обозначает отход мусульманина ко сну.

Намаз – это проявление дисциплины. Все его составляющие (омовение, движения, точное время исполнения, количество коленопреклонений и простираний) представляют собой действия для создания в себе настроения, отвечающего нравственной самоотдаче при обращении к Богу. Коран говорит, что совершение намаза бесполезно, если оно не способствует совершению нравственных поступков. Правильно исполненный намаз действительно способствует совершению благих деяний и напряжению собственных сил во имя высшей цели – во имя Бога. Намаз не только напоминает человеку о Боге. Пять раз в день он заставляет человека на время обратить лицо свое к Господину своему и Создателю. Не может быть более ясного пути к праведности.

Закат (разделение богатства с ближними)

В дословном переводе *аз-закат* означает «подслащение»¹⁵. Идея, заложенная в этом изначальном значении слова, состоит в оправдании чего-либо или придании ему качества *халāl* (дозволенного, невинного, добродетельного). Когда термин подразумевает человека в качестве объекта, он означает одобрение или рекомендацию. Когда в роли объекта выступает богатство – что встречается значительно чаще, – это значит, что богатство тем самым делается справедливым, правомерным, безвинным, благим и по-настоящему ценным. Конечно, ценность, которую *закат* придает богатству, – не утилитарно-практическая, но моральная.

Любое имущество и богатство исламом расцениваются как принадлежащие Богу. Человек волен иметь столько собственности, сколько считает нужным, любым из тех способов, которые позволяет экономика, и это не идет вразрез с законом. Зарабатывать деньги – законное действие, если человек не крадет их, не жульничает и не забирает силой. Конечно, стремление к благо-

¹⁵ Иначе – «очищение». Имеется в виду очищение собственного богатства разделением его с бедными. Богатство, которым не делятся, есть богатство «горькое», его необходимо «подсластить». – *Примеч. пер.*

состоянию – одна из естественных человеческих забот, обусловленная необходимостью выживания (в контексте которого она представляет собой поиск еды, крова, одежды и комфорта), а также *хилāфа*, или наместничеством (объектом которого выступает удовлетворение собственных материальных потребностей и нужд всего человечества). Будучи вовлеченными в этот процесс, люди всегда и везде отводили ему огромную часть своей жизни, тратя множество сил. Это – то, из чего состоит жизнь. Подчинение указанного процесса нравственному закону, который в данном случае принимает форму конкретных правовых норм, запрещающих присвоение любого имущества без сознательного согласия вовлеченного в экономические отношения человека, есть абсолютная необходимость. Без следования этой необходимости человек возвращается на уровень животного материализма, захвата и эксплуатации.

Но даже если контролировать выполнение каждого требования закона на каждой из его стадий в процессе обогащения, достигнутое богатство все равно требует оправдания, доказательства собственной правомерности. Это, как кажется, и есть то, чего требует институт *заката*. Допустим, что я не нарушал закон, зарабатывая деньги, так почему же в исламе богатство не считается законным, пока его законность не подтверждена посредством *заката*?

Ответ заключается в следующем. Нравственный закон регулирует приобретение имущества. Однако требуется также дополнительный закон, который регулировал бы его использование и/или продолжительное обладание им. Не будь в нашей жизни цели, помимо самого ее существования, не будь значения у человеческого существования, помимо наслаждения, комфорта и удовлетворения, не было бы и спроса с обладателя

имущества. Принцип *laissez-faire*¹⁶ был органичным следствием политического либерализма. Применение принципа *laissez-faire* в разрешении вопроса о собственности и богатстве продиктовано гедонизмом, утилитаризмом, эвдемонизмом и прочими этическими теориями, трактующими благо относительно, в мирском значении этого слова. Ислам определяет благо через абсолютные законы, отсылающие к воле Бога и Его повелениям, к трансцендентному порядку, который является финальной целью любого нравственного действия. Потому мусульманская религия посчитала необходимым регулировать богатство людей и то, как оно расходуется (иначе говоря, регулировать владение и потребление).

В этом отношении убеждение ислама заключается в том, что приобретенное кем-либо богатство должно быть в определенной степени разделено с другими людьми. Того же требует и благотворительность, которая родилась вместе с первыми людьми. Ограничивается ли требование ислама благотворительностью? Безусловно, он требует от человека заниматься благотворительностью, но он требует также и большего. Безвозмездная помощь всегда считалась всем человечеством символом высоких моральных устоев. Скольким делиться и делиться ли вообще – всегда оставалось на совести дающего, было его персональным решением. Мораль же действительно всегда постулировала, что чем больше человек делится с ближними, тем больше его заслуга. Иса (Иисус) представил этот вопрос в новом свете, по-другому (и более нравственным образом) осмыслив благотворительность. Он учил, что, чем чище побуждения

¹⁶ *Laissez-faire* (фр. – «позвольте-делать»), принцип невмешательства – экономическая доктрина, согласно которой государственное вмешательство в экономику должно быть минимальным. – *Примеч. пер.*

Закят (разделение богатства с ближними)

дающего, тем выше моральная ценность поступка. Ислам полностью соглашается с этим, признавая за учением Исы статус подлинного откровения от Бога. Мусульманская религия назвала институт благотворительности *садака*, считая его производным от самой веры, веры в Единого Бога.

Никакая религия и никакая этическая система до ислама не делала благотворительность обязательной в смысле превращения ее в институт распределения полномочий по ее сбору и распределению. Конечно, нет ничего плохого в том, чтобы видеть в благотворительности нравственный идеал. Однако чего стоит безвозмездная помощь, если она остается лишь идеалом, который никто не претворяет в жизнь? Какой смысл в таком идеале, если миллионер может считать себя соответствующим ему, поделившись парой монет с нищим, стоящим у дороги? Общество должно стремиться к осуществлению идеала, не оставляя эту задачу личности или Богу в мире грядущем.

В попытке решить указанную проблему ислам и создал институт *заката*. Вы можете делиться своим богатством со своими ближними в той мере, в какой вам хочется, когда вам хочется и так, как вам хочется. Это и есть *садака*, в которой только вы сами и Бог вам судья. Однако вам не удастся уйти от обязательства отдавать каждый год 2,5 процента всего вашего состояния мусульманскому государству для перераспределения в пользу нуждающихся. Тем самым ислам стремился сохранить нравственную ценность благотворительности и добавить к ней не менее нравственную ценность *заката*, обязательного налога в пользу бедных. Целей у этого института было две. Первая – убедить богатых, что их право быть богатыми уравнивается правом их ближних на жизнь и пропитание. Вторая – гарантировать нуждающимся, что их ближние не оставят их в беде. Узы человечности, товарищества и братства

связывают бедных и богатых в единое целое. Один из хадисов сообщает, что Пророк однажды сказал следующее: «Люди подобны органам в теле. Когда один орган страдает, все остальное тело приходит ему на помощь, чтобы победить причину болезни». Коран раскрыл эту мысль, отождествив сознание человеком необходимости альтруистических поступков с религией как таковой: *«Видел ли ты того, кто считает ложью воздаяние? Это – тот, кто гонит сироту и не побуждает накормить бедняка. Горе молящимся, которые небрежны к своим намазам, которые лицемерят и отказывают даже в мелочи!»* (К. 107: 1–7).

Савм (пост)

Воздержание от пищи является древним религиозным обычаем. Его практиковали миряне и духовенство в древних религиях, равно как и в христианстве, иудаизме, буддизме и индуизме. Хотя в различных религиях цели поста могут отличаться, в них можно выделить нечто общее, например то, что данный обычай был подготовкой человека к единению с Божественным.

Ислам предписал всем здоровым взрослым мусульманам строгий пост: полное воздержание от еды, питья и секса от рассвета до заката солнца в течение каждого дня в месяц Рамадан, т. е. в девятый месяц лунного года. Тело никоим образом не может контактировать с противоположным полом, не нарушая пост. От поста освобождаются дети и взрослые люди, страдающие от болезней или находящиеся в путешествии. В таких случаях человек не уходил от обязанности поститься, но мог перенести пост на другое время, когда он отдохнет и придет в норму (вплоть до следующего Рамадана).

Задолго до появления ислама месяц Рамадан считался у арабов священным месяцем. Устанавливался запрет на войну и охоту, что позволяло путешествовать и перевозить грузы без страха быть атакованными разбойниками или другими племенами. Арабы считали Рамадан месяцем переоценки духовных ценностей, духовного подведения итогов. В течение всего месяца они стремились погасить старые долги, прекратить споры и совершать благие поступки по отношению к своим близким. Наиболее нравственные верующие проводили время

в храмах или в своих домах, чтобы ничто не мешало им сконцентрироваться и медитировать. Мухаммад до того как стал пророком, нередко удалялся в пещеру Хира неподалеку от Макки, где проводил несколько дней в медитации. Его жена, зная, что супруг уединился для единения с Богом, посылала к нему слугу с едой.

Ислам развил традицию, отводившую месяц Рамадан религиозным занятиям. Помимо поста, ислам поощрял и другие морально-духовные практики, что заставляло мусульман ответственнее относиться к богослужению в течение месяца. Именно в месяц Рамадан Мухаммад получил первое откровение.

Посту в исламе приписываются две цели: самоконтроль и сочувствие нуждающимся всего мира. Выше мы уже отмечали, что ислам отвергает самоумерщвление и аскетизм. Как следствие, пост не расценивается в качестве аскетической практики самоотречения ради себя самого или во имя Бога. Ислам не приравнивает правдность к жертвенности или самопожертвованию. Бог хочет, чтобы человечество было свободным, здоровым и счастливым. Приведем пример. Философ мог бы сказать, что поход к зубному врачу составляет, несомненно, болезненный опыт. Мы не идем к зубному ради самой оказии, думая, что боль и страдание есть предел и сущность человеческой жизни. Однако мы делаем это по своей воле, когда это необходимо, т. к. это залог здоровья, составляющего противоположность страданию и болезни. Аналогично этому никто не отрицает, что пост содержит трудности, но вопрос в другом. Какова его цель в исламской традиции? В этой цели и кроется значение Рамадана.

Самоконтроль посредством поста – новая для религии идея. Еда и секс – базовые потребности, удовлетворение которых лежит в основе общественного строя – представляют собой, пожалуй, самые чувствительные области жизни человека. Никакая другая угроза не будет

в такой степени будоражить сознание человека как угроза смерти. Ограничения в еде и сексе представляют собой угрозу биологической жизни человека и его социальной жизни соответственно. Осознанное воздержание от удовлетворения двух этих потребностей вносит в сознание (как индивида, так и коллектива) образ надвигающейся смерти, позволяя направить разум на защиту жизни.

Ислам предписывает полное воздержание от еды и секса от рассвета до заката именно для того, чтобы активизировать сознание людей, направив его на мысли о жизни и смерти, и научить их противостоять опасности. Угрозе собственной жизни и жизни общественной нужно давать отпор, и мусульмане учатся искусству этого противостояния. Терпение, сдержанность, стойкость, непоколебимость в страдании и уединении – те качества, которые ислам развивает с помощью поста. В свою очередь, еда и секс – самые слабые места в человеческой жизни. Мораль и праведность ломаются под напором двух этих потребностей. Они представляют собой два пути, через которые порок и безнравственность приходят в наш мир. Научить человека сдерживать свои потребности и аппетиты (если того требует мораль), оградить личность от соблазна и укрепить его дух – именно в этом цель ислама.

Поэтому ислам рассматривает пост как лучшее упражнение в искусстве самоконтроля и дисциплины. Чтобы это упражнение выполнило свою воспитательную функцию, исламом предписывается окончание поста в момент захода солнца, еще до выполнения вечернего намаза. Поэтому каждый день Рамадана расценивается исламом как новое испытание, которое, будучи успешно выполненным к закату, может быть вознаграждено едой, торжеством и радостью. Силы будут восстановлены, и воздержание, а значит, и новое упражнение, вновь начнется с рассветом. Вероятно, законодатели посчитали,

что послабление поста ночью может помочь дневному воздержанию более эффективно закалить дух, чем то делает постоянное самоотречение, превращающееся в привычку и теряющее эффект. Чередование дневного воздержания с ночным послаблением в разы эффективнее.

Во всем мусульманском мире месяц Рамадан встречают с радостью. Люди стойко соблюдают пост и буквально преображаются внешне. Нет времени лучше, чтобы укрепить связь между мусульманами. По ночам города и деревни оживают благодаря единению и пиршествам. Чтобы последние не вышли из-под контроля, а моральный урок закрепился в сознании, исламом предписывается специальный намаз для ночей Рамадана под названием *таравих*. В идеале этот намаз, по длине равный сумме всех дневных намазов, включает в себя и последовательное чтение вслух всего Корана по частям в течение 29 или 30 дней месяца.

Конец Рамадана знаменует праздник под названием *‘Ид ал-фитр* («Праздник окончания поста», «Праздник разговения»), который мусульмане отмечают коллективной молитвой в первое утро после окончания Рамадана. Праздник сопровождается обменом подарками, походами к родственникам и друзьям, приемом пищи и увеселительными мероприятиями. В день *‘Ид ал-фитр*, который проводится в минимальном количестве мест, чтобы собрать как можно больше мусульман, обязательна новая одежда (как для молодежи, так и для пожилых людей). Радость праздника – это кульминация успеха ежедневного поста в предыдущем месяце. Если испытание Рамадана было пройдено успешно, праздник считается заслуженным. Считается, что мусульманин доказал свою способность подчинить природные силы, потребность в еде и сексе, ради нравственности и религии. После успешного Рамадана мусульманин чувствует себя более способным и готовым выполнить любое

задание. Подобно луку, он туже натягивается, чтобы выпустить стрелу точно в цель.

Вторая цель поста – сочувствие голодным и обездоленным нашего мира. Нет учителя красноречивее и эффективнее собственного опыта. Несомненно, нужда – вневременная беда человечества и страшнейшее из человеческих несчастий. Придерживаться поста – значит сочувствовать всем нуждающимся. Чтобы закрепить этот урок, рекомендуется делиться пищей со своими ближними, особенно с бедными, каждый день Рамадана. Ислам закрепил за Рамаданом статус месяца щедрости, альтруизма, любви к ближнему и доброты. В качестве искупления за каждый своевольно нарушенный день поста ислам предписывает накормить 60 человек, и еще двух человек – за каждый из дней, когда нарушение поста было правомерным. Наконец, утверждается также, что мусульманин, не отдавший милостыню нуждающимся в ночь перед *‘Ид ал-фитр*, не может принять участие в празднике. Эта традиция носит название *закат ал-фитр* (милостыня разговения). Размер ее должен быть равен двум порциям еды за каждого члена семейства мусульманина. Такая мера помогает разделить радость праздника в том числе и с нуждающимися и голодными людьми.

Философия поста в исламе призвана проиллюстрировать гуманизм мусульманской религии и принятие ее последователями мира таким, какой он есть. Пост – способ самоотречения, который практикуется аскетами всех религий, – в исламе преобразован в инструмент самосовершенствования, улучшения жизни по своей воле и стремления к миру, благородству и праведности. Горечь самоотречения и отрицания мира, болезненность умерщвления плоти – эти практики стерты из исламской традиции. Мусульманин заканчивает пост очищенным и облагороженным, чтобы всецело посвятить себя выполнению функции наместника в созданном Богом мире.

Хадж (паломничество)

Паломничество – последний из пяти столпов ислама, составляющих основные обязанности верующих в этой религии. Первый столп, *шахāда*, является своего рода «входным билетом» в ислам. Обязанность выполнять намаз и пост возложены на всех мусульман, если они не являются физически немощными. Закат (налог в пользу бедных) должны платить люди всех слоев общества и всех возрастов. Совершить же паломничество в Макку может только совершеннолетний мусульманин, который заработал необходимые для совершения поездки средства, выплатил закат со своего состояния, исполнил все свои долги перед своими ближними и обеспечил надлежащим образом всех своих родственников-иждивенцев на время своего отсутствия.

Если мусульманин решает совершить паломничество, то начинается оно с различных торжеств и приготовлений у него дома. Когда приходит время для путешествия, вся община отправляется на прощание с паломником и желает ему совершенного паломничества, которое будет принято Богом. После прибытия в Хиджаз, прежде чем войти в Благородную Макку (*Макка ал-Мукаррамах*), паломник снимает всю свою одежду и украшения, принимает очищающее омовение и, объявляя Богу свое намерение (*нийат*) совершить паломничество, входит в особое состояние – *ихрам*. Он облачается в два куска белой ткани – необработанного льна

или хлопка, один из которых покрывает его туловище, а другой – ноги, оставляя голову непокрытой. Отныне до окончания хаджа он не должен подстригаться и бриться, стричь ногти, а также не должен носить ничего, отличающего его от остальных паломников. Конечно, он может менять свое одеяние на чистое, когда ему захочется. Женщины носят платье-халат, покрывающее тело с головы до ног, оставляя лицо и кисти рук открытыми.

Это требование к форме одежды имеет религиозное значение. Паломник находится в Макке с целью поклонения своему Создателю. Он делает это как существо, равное всем другим людям – созданиям Бога. Его богатство и принадлежность к социальному классу, его политическая власть аристократа, правителя или короля, его знание, мудрость и предыдущее благочестие – ни одна из этих характеристик не может проявляться в этом месте. Перед Богом все люди суть равные существа. Обусловленные историей их жизни различия стираются. Бог в равной мере является Господином, милосердным Благодетелем и абсолютно справедливым Судьей для всех.

Поселение и размещение своих вещей не должно занимать больше времени, чем необходимо. Паломники начинают свой ритуал с посещения мечети *Ал-Харам*, «Благородного святилища». Они должны сделать это сразу по прибытии после размещения и кратковременного отдыха. Во время этого первого визита они совершают *таваф* – обходят Каабу семь раз, повторяя *ду‘а* (мольбу), которую предписал в этом случае Пророк, и совершают короткий намаз. Затем они, попив воды из колодца Зам-зам, идут к холму Ас-Сафа. Достигнув его и прочитав положенный аят, они движутся к холму Ал-Марва. Это движение (*Ас-Са‘й*) от холма к холму, чтение *ду‘а* и аята повторяется семь раз, воссоздавая опыт Хаджар (Агари), матери Исмаила, искавшей

воду во время путешествия через пустыню после того, как Ибрахим изгнал ее из своей семьи. В конце концов Хаджар нашла воду, которая, как говорится в предании, чудесным образом возникла под ногами маленького Исмаила. Колодец под названием *Зам-зам* и по сей день утоляет жажду паломников, многие из которых набирают воду в бутылки для своих родственников. Второй день Хаджа называется День Арафа. После утреннего намаза паломники ожидают восхода солнца, после чего направляются к горе Арафат в нескольких милях к северо-востоку от Макки спокойно, без суеты и давки, совершая зикр (поминание Аллаха), читая Коран, где они располагаются на стоянку. В день Арафат паломники стоят вместе в молитве с полуденного до вечернего намаза, собравшись вокруг того самого места, где Мухаммад провел свою прощальную проповедь во время последнего паломничества в 10 г. хиджры (632 г. н. э.).

После захода солнца паломники направляются к долине Муздалифа. Ночевка в Муздалифе и совершение утреннего намаза в этой долине, является сунной. Затем все паломники незадолго до восхода солнца отправляются к долине Мина, где по пути собирают семь небольших камешков. Прибыв в Мину, они бросают камешки в столп (в знак осуждения дьявола и путей его), подтверждая свою решимость не поддаваться искушению. Десятый день хаджа – День жертвоприношения – первый день праздника ‘Ид ал-аза. Далее, вернувшись в Мекку, паломники повторяют *ас-Са‘й*, обходят Каабу семь раз, как они это делали в начале, и выходят из ихрама – своего особого состояния духовной чистоты. Все вместе они присоединяются к грандиозному празднованию ‘Ид ал-аза и готовятся посетить *ал-Мадина ал-Мунавварра* (лучезарный город Пророка, Мадину), чтобы выразить свое почтение Пророку, передавшему

им послание Бога и приведшему их к жизни в исламе, чья могила сейчас находится в Мечети Пророка. Теперь они готовятся вернуться домой. Их родственники и общины будут всем сердцем ожидать их, вознося молитвы о том, чтобы их паломничество было принято Богом.

Неспособность осуществить какой-либо из ритуалов паломничества по причине болезни, несчастного случая или смерти не делает паломничество недействительным. Однако *хадж* не будет считаться действительным, если паломник не смог простоять на Арафате. Очевидно, что этот ритуал является ядром и сутью паломничества. Его смысл прост и проявляется в молитве, которую читает паломник во время стояния и всего паломничества. Рефреном звучат в нем слова талбийи: *Лаббайка Ллахумма, лаббайка!* («На твой зов, о Господь, явился я»). Бог призвал человека признать Себя своим Создателем и Господином, подчиниться Его заповедям и служить Ему. Весь ритуал представляет собой не что иное, как ответ паломника на божественный призыв.

Паломник своим хаджем подтверждает признание им того, что мир и все его создания сотворены Богом. Тем самым он также подтверждает, что все люди сотворены Богом и все они равны. Поэтому хадж представляет собой величайшее и самое красноречивое воплощение эгалитаризма и универсализма ислама. В настоящее время ежегодно около двух миллионов мусульман совершают паломничество. С момента прощального паломничества Мухаммада мусульмане со всех четырех сторон света собирались здесь 1432 раза для исполнения всех тех же ритуалов. Мусульмане, предстающие здесь в ихраме, признающие свою сотворенность Богом, – представители всех рас, классов, культур, народов, общественных формаций. Нигде нельзя увидеть такого впечатляющего религиозного действия, как хадж

мусульман в Макку. Ни одно другое событие не привлекало столько людей, и ни одно из них не выражало свою духовную суть столь явно и успешно. Именно зрелище хаджа убедило Малкольма Икса, что его черный расизм не был достойным ответом на белый расизм, что идентичность черных, утверждавшая себя в противоборстве с англосаксонским христианством, оставалась пустой оболочкой до тех пор, пока она не включила в себя покорность Богу и Его воле – шариату (закону).

Часть 3

Другие
мусульманские праздники

День рождения Пророка

Посещение паломниками Медины и могилы Пророка свидетельствует о чести и уважении, которые отдаются Пророку всеми мусульманами. Каждый мусульманин должен просить Божьего благословения для него, когда бы и где бы ни упоминалось его имя. Такие просьбы возносят бесчисленное количество раз каждый день, а намаз включает ее в качестве элемента поклонения. До Мухаммада было много пророков и множество харизматичных лидеров, которые заслужили любовь и восхищение своих народов. Мухаммад получил наибольшую любовь, честь и уважение со стороны мусульман.

Разумеется, некоторые люди пользовались такой любовью и уважением со стороны своих приверженцев, что последние изменяли их в своем сознании и объявляли об их Божественности. Это явление было распространено в древности в Индии, Китае, Японии и Африке. Можно даже предположить, что в человеческой природе есть нечто, имеющее тенденцию связывать с божественным все, что воспринимается как возвышенное. Действительно, как бы ислам ни осуждал такую практику, некоторые из сподвижников Пророка все же впади в такое искушение. Когда Пророк лежал на смертном одре в своей комнате, они кричали, что он не умер, а был поднят на небеса, чтобы быть с Богом. Отрицание его смертности стало первым, но достаточным шагом к его канонизации. Услышав известие о смерти Пророка, Абу Бакр, его ближайший друг и неизменный

сподвижник, вошел в его комнату, чтобы убедиться в этом, и вошел в зал мечети, где это известие было озвучено не кем иным как Умаром. После нескольких вежливых, но неудачных попыток призвать Умара к молчанию Абу Бакр встал, отодвинул его в сторону и сказал собравшимся мусульманам: «Если кто-то среди вас поклонялся Мухаммаду, знайте, что Мухаммад мертв. Но если вы поклонялись Богу, тогда знайте, что Бог вечен и никогда не умирает». Это было шокирующим напоминанием мусульманам о том, что только Бог является Богом, и только Он бессмертен; что Мухаммад был не кем иным, как человеком, таким же человеческим и смертным, как и все остальные. Это был последний раз, когда мусульмане тешили себя идеей обожествления Пророка, вознося его над человечеством.

Смертность Мухаммада является не его недостатком, а напротив, увеличивает его достоинства. Как человек, он получил Откровение Бога; и как человек он передал его человечеству. В качестве человека он понял откровение, истолковал и продемонстрировал его примером своей жизни. Учитывая то, что откровение является волей Божьей, пример Мухаммада не был бы столь поучительным, если бы он обладал божественной сутью. Людям тогда пришлось бы бороться с переводом Божественного руководства во что-то приемлемое для человека, доступное к актуализации человеком. Смертность Мухаммада сделала нормой представленную им реализацию религиозного и морального императива. Именно за это мусульмане всегда так благодарны. Неоднозначность и заблуждения были самыми пагубными религиозными врагами человека. Бог всегда был известен человеку, начиная от Адама. Люди всегда признавали то, что называлось религией, нравственностью и долгом, которые они считали достойными актуализации и существования. Но постоянно они спотыкались, искали

и не находили точного применения этому божественному в облегчении своих повседневных забот.

Ислам говорит, что по Своей милости Бог посылал пророка каждому народу и что все пророки несли, по сути, одно и то же учение. Если учесть, что Бог неизменен, то и Его воля, выраженная в текстах всех откровений, должна быть одинаковой. Всемогущему, Всезнающему и Непознаваемому не пристало, чтобы Его воля относительно человека менялась в зависимости от места и времени. Разумеется, могли меняться законы и менялись, но не те, ответом на которые являлось человеческое послушание, а именно вероучительные и моральные божественные заповеди.

Несмотря на это есть смысл, в котором сама божественная заповедь могла измениться. Такое может быть при условии, что заповедь является не категорическим императивом добра, справедливости или милосердия, а предписанием о том, как могут быть реализованы добро, справедливость и милосердие в виде конкретных дел. Предписательные религиозные законы действительно менялись, поскольку зависели от конкретных ситуаций, в которых следовало их применять. Однако в этих случаях изменения касались обстоятельств откровения, а не его содержания. До Мухаммада откровения состояли из содержания божественной воли, несущего определенные ценности, и обстоятельств, которые состояли из предписательных уложений, определяемых историческими изменениями. Ислам утверждает, что содержание всех прошлых откровений остается одним и тем же, и основывает свое утверждение на несовместимости Божественной трансцендентности с изменением. Он признает историческую необходимость в переменах, но в таких, которые затрагивают религиозное «как», а не «что». Преемственность прошлых пророков ислам объясняет как необходимость, продиктованную либо

изменением исторических обстоятельств, либо искажением и непониманием сути откровения.

Мухаммад, таким образом, не рассматривается мусульманами как принесший что-то новое в откровения прошлых пророков. Ниспосланное ему Откровение является подтверждением всех предыдущих откровений. Более того, ниспосланное Мухаммаду Откровение – Коран – является неизменным, потому что Бог объявил себя его защитником и опекуном. Мусульмане ответили на это тем, что миллионы людей на протяжении веков заучивали его наизусть, чтобы он никогда не исчез с лица земли. Арабский язык со всей его грамматикой, синтаксисом и лексикографией – застывший, и понимание языка откровения всегда будет возможным и легким.

Но не нуждается ли Коран в изменениях, затрагивающих все предписательные уложения? Мусульмане считают, что Коран является по существу заявлением религиозных целей, сути Божественной воли. Они не отрицают, что Коран действительно включает некоторые правовые уложения; но они считают, что этот элемент имеет меньшее значение, чем остальные. Из 6236 аятов едва ли только 500 являются нормативными, остальные же содержат призыв к набожности и добродетели и увещевания. Мусульмане считают, что Богу не нужно будет посылать другое откровение, отчасти потому, что Он дал человеку нетленное и окончательное волеизъявление – Коран, а отчасти потому, что Он хочет, чтобы человек открыл и развил пути, посредством которых впредь будет воплощаться воля Бога. Поэтому не случайно, что Откровение Корана не является предписательным; это так, поскольку божественный план передал законотворчество человеку в той мере, в какой принципы и ценности, воплощенные в предписывающих законах, содержательно связаны с откровением Бога.

Из этого положения следуют три важных вывода. Во-первых, нет никакой потребности в пророках после

Мухаммада. Тех обстоятельств, которые требуют пришествия другого пророка, а именно: искажения или потери Откровения или изменения ситуаций, требующих соответствующего изменения в предписаниях, – таких обстоятельств не может произойти. Коран неизменен; и то, что он предписал, является обязанностью и исключительно правом человека. Во-вторых, Мухаммад является последним из пророков, посланным не одному народу, а всему человечеству. Как истинный приверженец религии, полученной им от Бога, Мухаммад является образцом ислама, и его *Сунна*, т. е. конкретный пример, нормативна.

Таким образом, Мухаммад был не просто Посланником, который дословно передал послание своего Господа. Он конкретизировал, детализировал и уточнил Божественное послание, а также сделал его предписания нормой. Бог подготовил его к исполнению этой задачи, и умма Посланника не знала ни одного изъяна в его характере. Вот почему Бог сказал в Коране, что поведение Мухаммада является для мусульман превосходным примером для подражания. Таким образом, две его особые заслуги были Божественным предопределением, а именно: дословная передача послания и его конкретное воплощение в жизнь. Обе заслуги поминаются, озвучиваются вновь и восхваляются в день его рождения.

В этот день, как и во все остальные дни, но с еще большим рвением, мусульманин отмечает пришествие Мухаммада. *Сунну*, или пример Мухаммада, он отмечает во многих повседневных событиях. В этот день мусульмане особенно стремятся к осознанию своей потребности в *Сунне*, осознанию титанических усилий, предпринятых сподвижниками Пророка, их детьми, внуками и правнуками к тому, чтобы сохранить *Сунну* чистой и неизменной (защищенной от благонамеренного искажения или бессознательной беспорядочной

передачи). Не было никаких проблем, как мы уже видели, в сохранении и передаче текста Корана. Его язык и стиль настолько радикально отличаются от высказываний Мухаммада или любого другого человека, что не требуется много усилий для того, чтобы отличить Божественный язык от языка человеческого. Язык Мухаммада является действительно человеческим языком. В исторически меняющихся условиях достоверная передача преданий от Пророка было задачей, требовавшей колоссальной кропотливости.

Для этой задачи мусульмане разработали ряд дисциплин. Некоторые из них связаны с языком. Наряду с грамматикой, синтаксисом, лексикографией, этимологией и филологией, редакционной и литературной эстетикой, которые были разработаны в первую очередь для того, чтобы помочь неарабским, некочевым мусульманам и всем мусульманам более позднего поколения понять текст Корана, мусульмане создали дисциплины текстовой критики, критики форм, редакционной критики, тематической критики, исторической критики для изучения текстов хадисов. Они развили и утвердили и другие новые дисциплины, а именно биографический метод, историографию, личностный и социальный анализ, чтобы исследовать правдивость передатчиков хадисов. Они создали каноны внутренней критики для личностного и каноны внешней критики для социального анализа.

Работа ученых не была абсолютно точной (в силу самой ее природы). Поэтому они не отбрасывали то, что, по их мнению, не отвечало критериям абсолютной достоверности, а удовлетворялись категоризацией материала как такового, напоминая своему читателю, что Бог знает лучше, чем они. Их исследования позволили им классифицировать все хадисы о словах и деяниях Пророка в соответствии со степенью их достоверности в нисходящем порядке. Во-первых, это те хадисы,

которые сообщают о поступках и делах Пророка, которым он учил мусульман и неоднократно исполнял и сам. Это была Сунна «действия», которая, по мнению мусульман, едва ли могла быть подверженной ошибкам, учитывая ее универсальный, многократно повторенный и публичный характер. Во-вторых, это хадисы юридического характера, которые имели видимые и публичные последствия в истории и, таким образом, были подтверждены неопровержимыми историческими фактами. В-третьих, это хадисы религиозного или нравственного характера, которые очевидным образом были согласованы с Кораном и, таким образом, были предназначены для иллюстрации его идей и предписаний. Последними были те хадисы, которые несли в себе какое-то творческое, новаторское направление или рассказывали что-то, о чем не сообщали другие известные хадисы.

Мусульманин рассматривает *Сунну* Пророка в соответствии с этими категориями. Он тщательно отбирает конкретные примеры деятельности Пророка в соответствии с канонами Корана, называя их *ас-Сунна ас-сахиха* (достоверная Сунна), таким образом допуская возможность человеческой ошибки; в действительности же – устраняя потенциальную ошибку из сферы Божественной воли, которая является единственной религией и императивом для человека.

Хиджра

Несмотря на всю важность дня рождения Пророка, мусульмане не посчитали это подходящей датой для начала исламского календаря. Следует иметь в виду, что Мухаммад не был первым пророком. До него приходило бесчисленное количество пророков, приносивших то же самое послание. Хотя к нему и относятся как к последнему, в соответствии с Божественным описанием его в Коране как «Печати», или последнего из пророков (К. 33: 40). Откровение, которое он принес, подобно предыдущим откровениям, несет одно и то же содержание Божественной воли. Дословное содержание, переданное им, сохранилось целостным и неизменным, и его продолжающееся существование устраняет необходимость в новом откровении. Воля Бога неизменна по своей сути, она не подвержена превратностям перемен. Она представляет собой совокупность принципов и ценностей, выраженных в Коране. Не только мусульмане в полной мере выполняют обязательство по сохранению Корана в целостности, учат его наизусть, издают в самой возвышенной каллиграфии в лучших образцах искусства книжного дела, которые когда-либо создавал человек, ежедневно от корки до корки читают он тысячи и миллионы людей во всем мире, но и Сам Бог обещал сохранить его навсегда в первоизданном виде.

Таким образом, появление Пророка свидетельствует о контакте с Божественным, который принес человечеству знание Его воли. Это еще и указывает на подготовку

этой воли к осуществлению посредством примера Пророка. Значительность появления Пророка – это сфера компетенции Бога, а не человека. Рождение Пророка не означает непременно начало исламского движения в истории. Поэтому исламский календарь должен был иметь другое начало.

Второй халиф Умар ибн ал-Хаттаб (12/634–22/644) был тем человеком, который установил первым днем исламского календаря день пророческой хиджры (16 июля 622 г. н. э.), т. е. переселения Мухаммада в Мадину. Причина была точной и ясной. Ислам был не только Божественным заветом и религией, исповедуемой отдельными индивидуумами, но явился общим руководством для сообщества, государства и мирового порядка. Он был призван стать идеологией для всеобъемлющего движения, выходящего за пределы Макки и охватывающего всю землю и все человечество. Когда у него появилась эта вселенская задача? Не в день рождения Мухаммада. И не в первый день ниспослания откровения, когда Пророк еще и сам не совсем понимал, что происходит. И не в день переселения некоторых сподвижников Пророка в Эфиопию, поскольку это было бегством. Это произошло при переселении Пророка или фактически на следующий день после этого, когда он провозгласил создание исламского государства и превратил ислам во всемирное движение и вселенскую миссию.

Было ли такое начало необходимо для религии? Было ли это исторической случайностью или же намеренным стремлением человека и потому – человеческим желанием?

Нет, отвечают мусульмане. Вовлечение в исторический процесс было необходимо для ислама и его конечной цели. Ислам учит тому, что благочестие, духовность и религиозное блаженство напрасны и пусты, если они предназначены для одного субъекта. Это ясно разли-

чимо относительно морали. Можно думать об этике намерения, где добро, или ценность, определяются в терминах психических состояний субъекта, т. е. в детерминантах его воли в его конкретный личный момент. Такова была бы субъективная этика, чьим конечным судьей на земле была бы собственная совесть субъекта, поскольку только совесть проникает в те внутренние слои личного сознания, где покоятся конечные мотивы. Такой, например, была бы противоположность этики последствий – утилитарного подхода, который определяет добро и, следовательно, этическую ценность того или иного действия с точки зрения внешних, очевидных, измеримых преимуществ в пространстве и времени, которые он порождает.

Таким образом, в качестве религии как таковой, в своей совокупности ислам не является персоналистической и субъективной религией, какой считалось христианство в большинстве случаев на протяжении значительной части его двадцативековой истории. Ислам, скорее, подразумевает мобилизацию человека для входа в историю, вмешательства в ее процессы, переориентирования ее сил и тем самым людей и природы на реформирование земли по образцу, явленному Богом. Мусульманин видит свое призвание именно в этом: войти в историю и изменить мир.

Поскольку ничто в творении не является священным – свят лишь Бог, который находится вне сотворения – все в творении одинаково необходимо, ценно и уместно для задачи наместничества Бога на земле. Те религии, которые делят мир на священное и мирское, в конечном счете соответственно делят и жизнь человека. По их мнению, поклонение актуально в какие-то дни, а в какие-то – нет; при богослужении в церкви или храме, но не вне их; в старости, но не в юности; для личных нужд, но не для общих экономических и социальных

целей; для соседей между собой, а не для решений и деяний государства. Все это подразумевается в праздновании мусульманами хиджры. Это напоминание человеку о том, что один год прошел, а другой – начинается. Это момент переоценки в сфере не личной, а общественной жизни, где субъектом является ислам как мировая религия. Насколько близко мировое движение, которое Пророк начал в Медине, к реализации цели, завещанной Богом? Насколько оно далеко от интеграции и мобилизации человечества, от преобразования человечности в памятник гениальности, героизма и святости? От превращения природы в рай?

Исрā' и Ми'рāдж

Будучи самой молодой из мировых религий, рожденной в колыбели древних цивилизаций иудаизма и христианства, ислам не мог пренебречь связью с этими религиями. Его теория пророчества уже связывала ислам с признанием пророчества пророков-евреев, а равно и Исы (Иисуса), память о котором была еще жива. В Коране упоминаются многие из них и обращается особое внимание на Авраама, Иакова, Иофора (Шуайба), Моисея, Давида, Соломона, Иону и Иисуса. Они и их последователи идентифицируются Кораном как *ханифы*, т. е. люди, которые не были ни иудеями, ни христианами, ни приверженцами мекканской религии, и все же были в высшей степени уважаемы за свою моральную прямоту, свое религиозное видение и духовность. Именно поэтому ислам должен был указать свое отношение к ним.

В Коране ханифом назван пророк Ибрахим (Авраам). В мединских сурах это синоним термина *муслим*. Мухаммад соотносил себя с ханифами и, согласно мусульманской догматике, возродил истинный монотеизм Ибрахима. Ханифы были арабскими носителями всего наследия семитского религиозного сознания, от времен Липит-Иштара до Саргона и Хаммурапи, до Авраама и Моисея и, наконец, до Иисуса. Конечно же, их ряды пополнялись теми беженцами, которые спасались от преследований в Палестине, Иордании и Сирии, где религиозная элита часто была в конфликте с тем, что считалось

ортодоксальным иудаизмом и ортодоксальным христианством. Государственная религия Давида, версия, возникшая после вавилонского пленения евреев, узаконенная Ездрой и Неемией, буквальная, легалистская версия в эпоху Фарисеев, Маккавеев и раввинистических школ – все они состоялись только после повторных волн диссидентов. Некоторые из них нашли убежище среди арабов, имевших близкие взгляды. Аналогично и в христианстве, где внутрицерковные разногласия по поводу христологии почти всегда приводили к запрету и/или преследованию некоторых адептов. Следует упомянуть иудейских беженцев, спасавшихся от насильственной эллинизации войсками Александра, и христианских беженцев, спасавшихся от римского и иудейского преследования. Стоит также отметить, что *ханиф* является арабской формой арамейского *ханепай*, означающего «еретический», «отвергнутый» или «отделившийся», каковыми и являлись подобные беженцы с точки зрения религиозной элиты. Но многие ханифы могли и не быть такими беженцами. Ведь невозможно, чтобы беженцы – приверженцы любой религии, отличной от арабской, искали прибежище именно у арабов, если только некоторые из последних уже не являлись приверженцами той же религии или не симпатизировали ей. Масса таких местных ханифов, возможно, расширялась теми переселенцами, которые со временем натурализовались и арабизировались.

Самоидентификация ислама с ханифами была полной. Этнически они рассматривали Авраама как своего предка и утверждали, что он был первым ханифом. Ханифы не обладали известным писанием, что способствовало идентификации ислама с ними. С тем, что было известно об их религии среди мекканцев, ислам согласился без оговорок. Это включало монотеизм, трансцендентность Божества, универсализм и строгую нравственность воинских, благочестивых и гуманистических

ценностей. С иудаизмом и христианством дело обстояло иначе. Каждая из этих религий уже длительное время обладала своим писанием, церковным учением и институтами. Что-то из их доктрин было совершенно истинным и подлинным и, следовательно, подталкивало к отождествлению себя с ними. А какие-то взгляды, напротив, были чужды всей семитской традиции и, следовательно, находились в противоречии с исламом. Кораническая критика этих религий относится к мекканскому периоду откровений, когда мусульмане не имели никаких отношений с людьми иной веры, кроме мекканцев. Исламская критика этих двух религий, следовательно, не зависит от социально-политического взаимодействия мусульман с иудеями и христианами. Ислам без смущения провозглашал свою преемственность в отношении их, а также их сущностную идентичность. Он признавал их законными религиями, изначальным источником которых является Бог. Но он безжалостно критиковал тот факт, что их писания были изменены таким образом, что содержали человеческие измышления наряду с подлинным откровением; кроме того, он осуждал то, что их приверженцы соблюдают предписания этих религий недостаточным образом, либо вовсе не соблюдают. При этом ислам достиг двух целей: он относился к этим религиям как к членам одной семьи, источником которой является один и тот же Бог; и он отделял себя от их человеческих искажений, предлагая их приверженцам проявить здравый смысл и подвергнуть некоторой критике Ветхий и Новый Заветы.

Исрā' и Ми'рāдж — это празднование определения исламом себя в одной цепи с иудаизмом и христианством, о чем повествует история об Иерусалиме, который Пророк посетил в чудесном ночном путешествии, и о его беседе с пророками Господа, когда он был вознесен из Иерусалима на небеса той же ночью. Конечно же, ночное путешествие в любой другой отдаленный

город было бы столь же чудесным. С другой стороны, и небес можно достигнуть из любого населенного пункта на земле. Почему же был выбран Иерусалим? Очевидно, по той причине, что этот город являлся религиозной столицей иудаизма и христианства, а также обителью пророков, с которой ислам стремился идентифицировать себя. Мусульмане уже молились, обратившись на север к Иерусалиму.

Традиция донесла детали события так, как оно было рассказано Пророком. Он был пробужден ночью ангелом, который уже несколько раз приносил ему откровение. Ангел привел ему особого коня, на которого Мухаммад сел. Конь летел по небосводу, позволяя Пророку видеть путешественников на дорогах и их караваны. Уже в Иерусалиме Пророк привязал своего коня к «Стене плача», примыкающей к мечети *Ал-Акса*, и от скалы, теперь находящейся под «Куполом Скалы», вознесся на небеса, где он предстоял перед всеми пророками, собравшимися на встречу с ним, в молитве и похвалах Богу. Бог поручил Своему Пророку ввести в исламе намаз. Затем он был отправлен в путешествие по раю и аду, мусульманские сообщения о котором стали источником многих романтических и спекулятивных рассказов о рае в арабо-мусульманском мире и на Западе. Здесь следует отметить, что «Божественная комедия» Данте была христианской адаптацией этой мусульманской темы.

В праздновании *Ал-Исрā'* и *Ал-Мир'āдж* мусульмане отмечают великое единство всех пророков и, следовательно, всех религий, в частности тех, которые связаны с Иерусалимом и окрестностями. Особое место среди пророков отводится Аврааму, Моисею и Иисусу – основателям трех основных течений семитской семьи религий.

Часть 4

Мусульманская семья

Женщина

Согласно исламу, женщина была создана Богом для того, чтобы быть другом и помощником мужчины. Создатель вложил в мужчину и женщину такое взаимное соответствие, чтобы каждый мог найти спокойствие и удовлетворение в другом. Коран называет мужчину и женщину «одеждой» друг для друга, что означает их взаимную близость (К. 2: 187; что может быть более близким физически и с большим постоянством рядом, чем одежда?) и их взаимную зависимость. В вопросе религиозных обязанностей ислам делает оба пола абсолютно равными. Он освобождает женщину от этих обязанностей во время менструаций, беременности и восстановления после рождения ребенка. Впервые в истории человечества женщина была наделена Богом неопровержимой и независимой правосубъектностью и всей полнотой гражданских прав. Наивысшее стремление женских освободительных движений было достигнуто в исламе еще в 625 г. н. э.

В качестве юридического лица взрослая женщина получает в исламе право сохранять свое имя на всю жизнь; свободно иметь, хранить и продавать движимое и недвижимое имущество по своему усмотрению. Ее осознанное согласие необходимо для любой сделки, в которую она как-либо вовлечена, будь то использование малейшей доли из ее имущества, обработка ее угодий или, прежде всего, ее брак. Ее нельзя принудить ни к чему. Если она не является несовершеннолетней и,

следовательно, не зависит от своих родителей или опекунов или не назначила другое лицо своим адвокатом или представителем, то должна осуществлять свои права лично для того, чтобы сделка была юридически действительной.

Женщина в исламе не является источником зла. Она не искушала Адама; ни дьявол, ни смерть, будь то физическая или нравственная, не пришли в мир через нее. Кораническая история Адама и Евы даже не упоминает Еву в акте непослушания, который не содержал сексуального начала и не имел никакого отношения к «древу познания». Стремление к знаниям в исламе является первостепенной обязанностью, а не злом. Коран действительно говорит, что и Адам, и Ева были изгнаны из Рая; но добавляет, что они раскаялись и что Бог простил их. Следовательно, в исламе нет никакого «падения» и никакого «первородного греха» в любой форме. Осуждение святым Павлом женщины как средства, через которое в мир вступила смерть, будь то физическая или моральная, полностью отсутствует в исламе.

Женщина, следовательно, невинна. Она является благом, утешителем, источником счастья и удовлетворения для мужчины; и мужчина является таковым для нее. У мусульман нет проблемы с сексом; это так же естественно, как еда и вода, рост и смерть. Секс создан Богом, благословлен Богом и установлен Богом. Он не связан с виной; он, как и сама женщина, невинен. Действительно, секс очень желателен. Коран запретил безбрачие во имя Бога, а Пророк облагородил брак, сделав его своей *сунной* и примером, и, следовательно, нормой для каждого мусульманина и мусульманки. Как и все остальное, что связано с жизнью на земле, ислам сделал сексуальное удовлетворение мужчин и женщин частью благочестия, добродетели и счастья.

Поскольку женщина больше не является движимым имуществом, а обладает полной правосубъектностью, то половой акт с ней уже не может быть случайным делом, но должен, во-первых, происходить с ее согласия и, во-вторых, быть под ее ответственностью. Последняя ложится не только на мужчину, но и на женщину. Сексуальная распущенность яростно осуждается, поскольку это по определению является нарушением ответственности каждой из сторон.

Отношения между мужчиной и женщиной должны быть упорядочены и отрегулированы, если мы хотим соблюдать этическое требование об ответственности. С этой целью ислам разработал целую систему законов, регулирующих указанные отношения; ислам полагает, что отношения между мужчиной и женщиной нельзя отдавать на волю случая или под контроль других лиц, так что в ситуации с несовершеннолетними тема секса не актуальна, поскольку это отношения взрослых людей. Сам брак, как институт, рассматривается исламом как строгое соблюдение этических требований ответственности. Когда ислам осуждает половой акт вне брака и считает его наказуемым преступлением, то он делает это не в отношении полового акта как такового, а в отношении акта нарушения ответственности.

Возможно, трудно понять, почему ислам рассматривает сексуальные отношения между не состоящими в браке согласными взрослыми как безответственные. Яркость и неистовство страсти вполне могут ослепить человека. Однако холодный рассудок всегда обнаруживает, что в отношениях между мужчиной и женщиной есть физическая сторона, эмоциональная сторона, а также духовная сторона; что прелюбодеяние удовлетворяет лишь одну из этих сторон, а именно физическую; и что при этом часто страдает эмоциональная сторона и всегда – духовная. Это так, поскольку партнером

в прелюбодеянии является именно тот, кто использует другого (или позволяет использовать себя) как объект. В отношениях, где партнер рассматривает себя и другую личность в рамках окончательного союза, конечно, все готово к преобразованию отношений в брак. Брак в исламе – это гражданский договор (но не таинство), посредством которого партнеры со всей свободой и ответственностью объявляют свои намерения считать отныне друг друга окончательной парой, а не инструментом. Давайте же перейдем теперь к законам заключения брака.

Брак

Брак в исламе не является таинством. Это союз, заключаемый не на небесах, а прямо здесь, на земле. Подобно любому человеческому союзу он может распадаться. Это обещание или договор, посредством которого партнеры регулируют свои взаимоотношения. Как и любой другой контракт, он имеет несколько составляющих или необходимые положения. Если они будут удовлетворены, договор может содержать любые другие положения, которые оба партнера согласятся включить в него. Предполагается наличие двух взрослых людей, с полной свободой соглашающихся жениться друг на друге. Несовершеннолетнего человека могут женить/выдать замуж его или ее родители, но он или она имеет полное право, по достижении совершеннолетия, закрепить брачный контракт или отклонить его. Даже если бракосочетание уже было совершено, ислам дает право любому из супругов при желании расторгнуть его по достижении совершеннолетия.

Второе требование состоит в том, чтобы в контракте содержалось описание двух видов приданого, которые налагаются на мужчину и должны быть выплачены женщине. Первое должно быть дано и получено до завершения брака. Оно обычно состоит из даримых ювелирных изделий и одежды, которые становятся личной собственностью женщины и впредь неотъемлемы без ее согласия. Второе – предполагаемое, и выплачивается только в том случае, когда брак прекращается путем развода.

Поскольку развод в исламе возможен для мужчины путем отказа, второе приданое действует как «страховой полис» женщины против безответственного поведения мужчины.

Третьей составляющей исламского брачного контракта является присутствие двух свидетелей и подтверждение ими содержания и условий контракта. Контракт недействителен, если он не является публичным, поскольку когда обязательство об ответственности берется публично, оно, скорее всего, будет выполнено.

Помимо этих трех составляющих, стороны договора по своему усмотрению могут добавить другие положения, не нарушающие законов морали. Брачный договор может обуславливать стиль жизни, на который имеет право мужчина или женщина. Он может предусматривать то, что брак должен быть моногамным, предполагая его прекращение (и, следовательно, должно будет выплачиваться второе, или отсроченное, приданое) в случае, если муж заключит еще один брак.

Ислам позволяет развод. Развод может происходить путем официального отказа мужа, но закон требует, чтобы такой отказ был произнесен трижды. Он требует, чтобы после первого и второго отказа родственники или другие лица, назначенные мужем и женой, провели с ними беседу и восстановили гармонию в доме. После третьего отказа развод становится окончательным, хотя Бог назвал это «самым ненавистным».

Для предотвращения беспечных и безответственных разводов ислам предписывает следующее: ни один мужчина не может вернуть свою жену, с которой он развелся, пока эта женщина не выйдет замуж за другого мужчину и не получит развод от него. Такой брак представляет собой ужасное унижение для обоих; и эта установка выступает в качестве второго сдерживающего фактора после второго приданого. Жена может развестись с мужем по решению суда, а не путем отказа. В этом случае ей необходимо будет установить в суде одну из

юридических причин, оправдывающих развод, такую как заразная болезнь, длительное отсутствие, импотенция, жестокость, прелюбодеяние и т. д. Развод, представленный судом, всегда является окончательным.

Ислам также допускает полигамию. Человек может жениться более чем на одной женщине. В личных делах человека бывают ситуации, где наилучшим решением является механизм многоженства. Кроме того, в человеческом обществе может присутствовать ситуация преобладания числа женщин над числом мужчин, когда овдовевшие или разведенные женщины, часто имеющие детей и лишенные поддержки, находят многоженство гораздо более благоприятным для счастья, чем одинокая жизнь. Множественные браки Пророка в Мадине после смерти его первой жены, которая родила ему всех его детей и делала его счастливым на протяжении четверти века, были такого рода. Вдова-беженка с пятью детьми, которых никто не хотел брать, разведенная жена бывшего раба, к которой все относились слишком надменно, чтобы приблизиться, пожилая женщина, родственников которой Пророк хотел примирить, и т. д. – такими были женщины, на которых он женился в более позднем возрасте. Предоставив женщине полную правосубъектность и все гражданские права, а также полную свободу диктовать условия своего брака и предоставив ей «страховой полис» против развода, чьи «пустые строки» заполнит только она, – ислам вполне может называться лучшим «другом» женщины.

Помимо этих правовых положений, ислам предписал целый ряд этических указаний. К женщинам нужно относиться с любовью и добротой, поскольку они являются даром от Бога. Они обладают всеми правами в той же мере, что и обязанностями, возложенными на них. Они должны соблюдать свое целомудрие, следить за домом и вместе со своими мужьями осуществлять самые высокие предписания исламского общества и государства.

Расширенная семья

Возможно, что некоторые женщины не склонны к семейной жизни и счастью, как это предусмотрено исламом. У некоторых женщин есть склонность к различным видам карьеры, искусству, науке или какой-либо другой работе помимо той, которая обычно ассоциируется с семейной жизнью. Эта потребность не нова. Это началось не с промышленной революции, которая вывела женщину из ее дома для работы в офисах и на предприятиях. Потребность в реализации склонностей столь же стара, как и человечество, и вызывала проблемы еще до того, как появилась возможность ее осуществлять. Однако проблема чаще всего заключается в том, что женщина, связанная с карьерой, хочет иметь семью, дом и детей наряду с успехом в работе, и обнаруживает их несовместимость.

Чтобы освободить женщину от необходимости работать для самообеспечения, ислам предписал ближайшим родственникам-мужчинам поддерживать женщин (будь то несовершеннолетних или взрослых) на том же уровне, что и себя. Это предписание приостанавливается лишь тогда, когда женщина выходит замуж. Затем обязанность ее обеспечения падает на мужа. После развода или овдовения предписание сохраняется, за исключением случаев, когда она беременна или вскармливает ребенка. В этом случае ее «муж» обязан по закону поддерживать ее и ребенка в течение двух лет после родов. Учитывая такое обеспечение на протяжении всей

жизни, ислам предписал, чтобы женщина наследовала только половину доли мужчины.

Тем не менее некоторых женщин даже эта экономическая гарантия не устраивает. Некоторые женщины являются творческими личностями, и их творчество вполне может потребовать занятости вне семьи для самореализации. Если она является единственной взрослой женщиной в маленькой семье, то либо ее карьера, либо ее дом должны претерпеть ущерб. В качестве альтернативы она может заниматься тем и другим по очереди: детьми и домом – в ранний период своей семейной жизни, а карьерой – в более поздний период. Но длительное отсутствие практики и возраст способны разрушить ее шансы на блестящую творческую карьеру. В этом случае она, скорее всего, сможет оказывать только вспомогательные услуги в качестве секретаря, помощника, клерка или фабричной работницы. Если она займется своей карьерой в молодом возрасте, то страдать придется детям (как и гармонии в доме). Дом – это не только спальня и кухня. Для чувства удовлетворенности людям нужен уют, определенная доля домашнего досуга, где красота атмосферы сочетается с дружеской беседой и приятной активностью. Это вряд ли может быть доступно в домах, где оба родителя работают. Такие родители не готовы подарить друг другу спокойствие, необходимое каждому из них.

Все может быть иначе, если в доме есть другие взрослые – мужчины и женщины, если это дом с «расширенной семьей». Родители, сестры и братья, бабушки и дедушки, дяди и тети, обеспечили бы дом женщины, занятой карьерой, всей необходимой ему заботой, не заставляя ее при этом чувствовать себя обязанной или ненужной. Ведь дом одинаково принадлежит всем. Если у женщины есть ребенок, то любовь и внимание, которые дают родственники, являются благом как

результат близких отношений. Это совсем не означает исключения ее собственной заботы о своей части семьи или о доме в целом, а также материнской заботы о детях после рабочего дня. Суть в том, что в ее отсутствие дом не оставлен без присмотра или на попечении чужих людей – слуг; и дети не предоставлены Интернету, телевизору, чужой няне или «центру дневного присмотра».

Более того, разнообразие характеров и личностей, настроений и темпераментов в доме с расширенной семьей обеспечивает каждому возможность делать то, что ему нравится, в компании тех, кто ему больше всего нравится. Будь у кого-то настроение радостное и веселое, унылое и плаксивое, для дружеской беседы или размышления, для тяжелой работы или отдыха, для прогулки или уединения, муж, жена, сын или дочь почти всегда найдут кого-то в большой семье, чтобы присоединиться к нему или к ней в этих случаях. Если кто-то находится в состоянии, требующем уединения и ухода, то это тоже допускается без обид или обвинений, поскольку люди, о которых идет речь, являются любимыми, близкими родственниками. Такая компания абсолютно необходима для нормальной психики и социального здоровья. Людям нужны любовь, совет, компания и альтруистическая забота в той же степени, в какой им нужны еда и воздух. Полная приватность в жизни может быть достигнута только ценой одиночества, и она не стоит этого. Последствия одиночества намного перевешивают удовлетворение, которое предоставляет просто уединение.

Большая семья не только делает возможной карьеру вне дома, равно как и в доме, если работа выполняется дома, – она делает все общество более здоровым. Расширенная семья – лучшая гарантия от психических болезней и отклонений всех видов. Ислам не просто рекомендовал ее. Он подкрепляет ее законами. Каждому человеку, нуждающемуся в этом, он предписал

право на поддержку со стороны своего ближайшего родственника. В дополнение к этому было предписано, что юридическими наследниками человека являются не только супруг и дети, но и вертикально в обоих направлениях – все его живые родители, бабушки и дедушки, а также все его внуки и их дети. Все эти члены семьи, следовательно, сплачиваются как любовью, так и законом.

Часть 5

Мусульманский рабочий

Разумное использование природы

Ранее уже говорилось, что человек был создан как *халиф*, или наместник, Бога на земле; и он был предназначен для того, чтобы превратить мир из того, чем он являлся, в то, чем он должен стать. Мы также говорили, что воля Бога в природе обязательно исполняется работой естественных законов. Наконец, давайте вспомним о том, что Бог сказал в Коране, что все в творении задумано и/или может быть изменено так, чтобы служить счастьем человека и приводить его к благосостоянию.

Отсюда следует, что природа не враг человеку. Это не демоническая сила, бросающая вызов ему и побуждающая его покорить и подчинить ее. Такое мнение принадлежит тем религиям, чьи космогонии делают сам мир богом, будь то хорошим или плохим, а чаще всего плохим. Такие боги, или хтонические силы, должны быть умиротворены и если не подчинены или подвержены манипуляции, то использованы для работы на пользу человека. Ислам же рассматривает природу как инертную и нейтральную, в лучшем случае – как большое положительное благословение, а радость, которую она дарит, – как авансовые платежи райского вознаграждения. Это упорядоченный космос, созданный Богом как театр, где человек должен делать свои добрые дела; он идеально приспособлен

и организован Творцом в соответствии с лучшими измерениями, лучшими формами, лучшими образцами и, следовательно, абсолютно лишен каких-либо изъянов.

В природе события происходят в соответствии с естественными законами, т. е. в соответствии с волей Бога. Следовательно, она упорядочена. Но ее упорядоченность зависит от ее Создателя, чьей воле она подчинена. И эта воля не имеет ничего общего с прихотью; Коран описывает волю как вечную и неизменную. Таким образом, можно верить тому, что в природе функционирует причинная детерминация. Это доверие, которое является основой упорядоченности природы, выступает функцией наместничества человека. Ибо если человек обязан действовать в природе, система должна быть надежной, способной воспринимать эффективное вмешательство человека для достижения конкретных и прогнозируемых результатов. В противном случае, если бы человеческой причинной эффективности нельзя было бы доверить производство прогнозируемых результатов, тогда нарушилась бы целесообразность, а вместе с ней и Божественно назначенное наместничество.

Следуя этим принципам, мусульмане воспринимали природу как открытую книгу, второе Откровение от Бога, которое мог прочитать каждый, кто поддерживал необходимые знания и дисциплину. Они полагали, что Коран читать легче. Его выражение воли Бога является прямым и красноречивым. К природе же необходимо «подходить», вооружившись научными исследованиями и экспериментами, чтобы суметь раскрыть ее секрет, ее закон. Но с определенной подготовкой ее истина становится столь же ясной, как и кораническая.

Это объясняет, почему арабы Аравийского полуострова, которые никогда не развивали какую-либо

науку, набросились на научное наследие классической древности с таким энтузиазмом, что около 700 г. н. э. рукописи по химии и ботанике отправлялись из Восточной Персии в Александрию и с радостью обменивались на тысячу золотых монет. К 800 году не осталось никаких научных и философских достижений древности, которые не были бы хорошо известны мусульманам и не были освоены ими. Постепенно это привело к столкновению с предпосылками греческого естествознания, которые находились в противоречии с исламским понятием Бога.

Эта проблема не заботила ученых, которые продолжали работать, не беспокоясь о более глубоких вопросах. Данную проблему взяли на себя философы, и в их руках расплывчатые предположения были уточнены и подведены к окончательным выводам. Космический порядок стал космическим детерминизмом, материя стала вечной, Божественной инициативе и провидению было отказано. Аристотелевские категории были, казалось бы, неопровержимой базой. Если естественный закон является истинным законом, его применение должно быть универсальным. Это дает нам замкнутый космос, где ничто не может произойти, кроме как по причине, достаточной для того, чтобы это произошло. Но если такая причина существует, то обязательно должен последовать ее эффект. Таким образом, цепь причинности окутывает мир. Бог, возможно, создал систему; но не управляет ею. Подобно часовому механизму, она работает сама. Будучи предпосылкой всего, материя не может быть уничтожена. Она лишь меняет форму. Следовательно, она не может возникнуть, т. е. быть созданной. Она вечна и со-вечна Богу.

Смертельный удар этой философии нанес великий ал-Газали. Подобно Дэвиду Юму, который последовал

за ним почти тысячу лет спустя, ал-Газали проанализировал причинную связь и счел ее не имеющей необходимости. Он рассуждал так: то, что *A* следует за *B*, – это все, что устанавливают наблюдения науки, но это не обязательно означает или подразумевает, что *A* происходит вследствие *B*. Суждение «*B* является причиной *A*» есть лишь обобщение возможной действительности, вероятность которой возрастает тем сильнее, чем чаще мы сталкиваемся с ситуацией того, что *A* следует из *B*, но никогда не достигает совершенного значения единицы. Если ученый абсолютно уверен, что *A* будет следовать из *B*, откуда же проистекает его уверенность? Происходит она из его веры в то, что мировой порядок, или онтологическое равновесие, из которого следует финальная часть утверждения, неизменно будет работать и в будущем. Эта вера является продуктом религии, а не науки. Материя, возможно, была в основе всех событий и даже предшествовала им. Но это не могло произойти само собой. Если это имело причину, ее причина не может быть вызвана в свою очередь еще какой-то причиной, если необходимо избежать бесконечного регресса. Современная астрономия и космическая наука не противоречат доктрине расширяющейся Вселенной. Этот вывод в равной степени относится к современной философии науки. Теория замкнутого космоса – это причуда девятнадцатого века, которую взорвал век двадцатый.

Природа, как мы можем заключить, является гибкой и способной к изменениям. Человек способен привести ее формы к тому, чем они должны быть. Сельское хозяйство, садоводство, машиностроение и архитектура – словом, вся цивилизация состоит именно из такого управления. Но никакие изменения, совершаемые в отместку или с обидой на природу или без ответственности перед Творцом природы, не могут долго

оставаться безнаказанными. Ибо если природа не используется в качестве дара от Бога, данного для нравственных целей, злоупотребление ею становится очевидным. Если нравственная цель Бога отвергается, может ли не возникнуть злоупотребление или уничтожение, которое учинил современный человек? В исламе такая порча или потребительское использование природы недопустимы. Ибо для мусульманина тайная работа природы содержит образец и волю Бога; и полезность природы – это Божественный дар, предназначенный исключительно для исполнения нравственного закона.

Богатство

В исламе нет предела для пользования благами природы человеком, за исключением пределов нравственного закона. Этот закон запрещает такое использование природы, которое может нанести вред соседу; притом исламский универсализм идентифицирует соседа во всех настоящих и будущих людях. В рамках этого требования человек может брать у природы столько, сколько он хочет. Это означает, что ислам выступает за рыночную систему, в которой объединенные силы природы, человеческого труда и накопленных знаний и богатств могут использоваться в полной мере при отсутствии ущерба для других. Ислам выступает против нищеты, которую он объявляет работой дьявола. Человек несет ответственность за свою нищету, хотя когда он страдает от нищеты и достоин сострадания и милосердия.

Пуритане считали, что признак Божьего довольства человеком – это удача, которую Он дарует ему. Они придерживались детерминистского взгляда на жизнь, природу и спасение. Бог – ответственный за принятие решений. Когда Он доволен человеком, то дает ему материальное благополучие. Несмотря на этот Божественный предетерминизм, пуританство преуспело в экономическом возрождении Америки. Стремясь выглядеть благословенными, т. е. людьми, которыми доволен Бог, пуритане проявили чрезмерное усердие для достижения богатства и преуспевания как в материальном благополучии, так и в Божьем благословении. Ведь они

верили в свое учение. При виде собственного процветания вера человека воодушевляла его к еще большему усердию, и чем больше он усердствовал и производил, тем больше он преуспевал. Мусульмане разделяли это убеждение и подкрепили его верой в то, что человек обязан переделать природу и мир, чтобы смысл его наместничества был выполнен. В их понимании Бог повелел им производить богатство, которое позволит им и другим людям жить и процветать. Они благодарили Бога, если их усилия оправдывались, и проявляли сдержанность, если терпели неудачу, считая свои успех или неудачу не обязательно – т. е. полностью и исключительно – связанными с их личными усилиями. Они принимали решение Бога и результат, достигнутый на земле, в обратном отношении. Если они преуспевали и должны были сделать это сами по себе, то Бог вознаграждал бы их в дальнейшем. Если же терпели неудачу, то должны были винить в этом только себя, а не Бога.

Каждый мусульманин, таким образом, желает и планирует стать «миллионером», если серьезно относится к своей вере. Ислам, однако, предупреждает его, что накапливая богатство, он должен зарабатывать честно. Он не должен обманывать своих братьев, используя их имущество, но должен создавать свое собственное богатство. Ислам запрещает азартные игры, потому что это игра на удачу, и богатство, полученное в результате нее, не является следствием усилий и продуктивного усердия. Она не увеличивает богатство человечества. Ислам побуждает человека производить новое богатство и поддерживает человека «сделавшего себя» в особой чести. Акробатика современной рекламы и ложных соблазнов для потребления продуктов промышленности, для создания ненужных потребностей в новых продуктах, льющихся потоком, а также запланированная краткая и заманивающая информация обо всех продуктах для поддержания работы

машины индустрии – все это неприемлемо для ислама. Должны быть найдены другие пути, более конструктивные и менее истощающие, более универсальные в распределении продуктов.

Ислам выступает против накопления излишнего богатства. Для предотвращения этого он установил закат, который при последовательном применении к накопленному богатству «съест его» за одно поколение – годы, необходимые для уплаты налога в 2,5 процента для исчерпания недвижимого капитала. Такое богатство должно работать, т. е. быть инвестированным в производственные предприятия, которые увеличивают общее богатство человечества, – в предприятия, которые обеспечивают рабочими местами большое количество людей и приближают землю к раю. Возвращение богатства обратно в производство является одним из благотворных эффектов заката. Для обеспечения такого приращения богатства и, следовательно, увеличения занятости и увеличения производства реальных богатств, т. е. товаров и услуг, ислам запрещает процент.

Процент подразумевает накопление прибыли без риска, который в данном случае полностью ложится на заемщика. В известном смысле кредитор тоже обычно берет на себя риск кредитования своих денег. Однако, во-первых, в среднем его богатство растет, несмотря на низкий уровень «плохих долгов»; в противном случае ни один банкир не останется в бизнесе надолго. Во-вторых, риск кредитора чаще всего является одним из «легких» против «сложного» сбора, поскольку он должен вытребовать от заемщика все возможное залоговое обеспечение и гарантии, которые тот может предоставить. Ислам стремится ликвидировать класс «финансиста», побуждая кредитора напрямую инвестировать свое богатство в производство. Ислам, несомненно, благословит усилия любой группы людей, которые образуют кооперативное кредитное и благотворительное общество,

целью которого является накопление сбережений членов и предоставление денег нуждающимся среди них без процента и согласно решению коллег.

Когда богатство производится и осваивается, ислам требует того, чтобы его заработали снова – на этот раз этично. Он предписывает закят, или «подслащивание», который, будучи раз уплаченным обществу, делает богатство *халал*, или «сладким», теперь полностью приемлемым и инвестируемым его владельцем любым способом, который он пожелает. Это побуждает владельца отдать больше, на этот раз без фиксированной ставки или определенного времени и любому, кому он захочет и посчитает нужным дать. Это называется *садака*. В отличие от закята, она добровольна и может быть юридически причудливой. Устанавливая ее, ислам стремился предоставить богатому человеку способ для того, чтобы сделать свою любовь к ближнему эффективной в непосредственной близости от себя, среди своего окружения.

Ислам выступает против всех «таможен». Данный институт означает строительство стены или барьера на пути свободного распределения богатства во всем мире. Это выглядит как создание в стране защищенной промышленности или чего-то вроде «теплицы» для сельского хозяйства в изначально непригодных для него условиях. Однако бесплатное всемирное распределение богатства и товаров не было бы эффективным без свободного распределения в мире рабочей силы. Действительно, ислам желает, чтобы все «таможенные» и «иммиграционные» институты исчезли. Мужчины и женщины должны свободно жить и работать там, где они хотят, без проверок, препятствий или помех. Они должны свободно перемещаться, вступать в брак и учиться друг у друга. Лучший аргумент, естественно, победит в битве за умы людей; и лучшие поступки в конечном счете помогут их автору завоевать то лидерство, которого он заслуживает.

Часть 6

Исламский миропорядок

Всеобщее братство по закону

Возможно, величайшим следствием из положения ислама о том, что нет божества, кроме Бога (с его априорным допущением, что каждый человек одарен Богом природной верой), является его универсализм. Как следствие, все люди являются наместниками Бога на земле, субъектами нравственного обязательства и объектами нравственного воздействия друг друга. Очевидно, что наибольшая угроза этому универсализму, а следовательно, и исламу – это местничество или провинциализм, мнение о том, что некоторые люди должны ценить свое отличие от остальной части человечества больше, чем общее с ними.

То, что люди действительно отличаются друг от друга, является банальностью. Существуют типы различий. Некоторые из них естественны, как цвет глаз и волос, цвет кожи, комплекция и рост. Другие являются естественными, но могут быть изменены по желанию, такие как вес и внешний вид, язык и многие обычаи. Другие, такие как интеллект, видение, обоняние, вкус и память, могут развиваться, но меньше поддаются намеренному изменению. Бесспорное мнение ислама заключается в том, что все эти различия не имеют значения для измерения ценности человека, для планирования и организации его общественной деятельности и жизни. Тварность человека перед Богом – основа, объединяющая его

со всеми людьми, – гораздо важнее. Придерживаться обратного – значит делить человечество на отдельные этнические группы и призывать к этническому эгоцентризму или национализму. Эти взгляды предполагают любовь и заботу человека только к членам его этнической группы и допускают, что блага могут быть отняты у чужака в пользу своего. Этноцентризм также может быть чисто сепаратистским и изоляционистским, базирясь сам по себе, отрицая значимость чужаков для чего-либо, относящегося к этнической группе, независимо от того, умирает ли чужой от голода и несправедливости или преисполнен культуры и процветания.

Ислам не отрицает, что благотворительность начинается дома. Этот принцип существует не только для этноцентризма. Последний, как и все разновидности национализма, утверждает, что этническая или национальная группа составляет пределы блага, а обязанности всех учрежденных органов – обеспечить ее благополучие и процветание. Фактически он даже утверждает превосходство своего народа над всеми остальными и допускает, исходя из этого превосходства, изъятие благ у всех других в пользу своей собственной группы. С исламской точки зрения это порицаемое отклонение. Соглашаясь с принципом приоритетности для ближайших родственников, ислам настаивает на определении блага с точки зрения благосостояния *всех* людей, на планировании и организации общественной жизни и деятельности на *универсалистской* основе.

Действительно, в этноцентризме ислам видит нечто злое. Это не столько действие этноцентризма, которое почти всегда может быть оправдано на основе «благотворительности, начинающейся дома». Но общепризнанная база, на которую он опирается, – что его люди являются «правлящей расой», «сыны Божьи», «избранники Божьи», в то время как другие являются «подчиненными расами», «детьми дьявола», «других

низших богов» или просто творениями того же Бога, но с которым они не связаны такими же отношениями, что и «Его сыновья» или «Его избранные». Это не только ложное учение, оно зловеще из-за мертвящего влияния, которое оно оказывает на осознание человеком его тварности перед Богом, разделяемой им со всем человечеством, из-за его гипнотического влияния на волю человека, чтобы действовать от имени человечества. Кроме того, оно зловеще из-за своего имманентного взгляда на Бога и Его созидание. Согласно этому учению, либо существует более одного Бога с двумя разными творениями, один высший, другой низший; или же один Бог создал два творения, которые могут властвовать одно над другим. Первое представление является политеистическим; последнее противоречит Божьей справедливости и, в конечном счете, Его трансцендентности.

Исламский универсализм требует, чтобы все люди имели право по своей природе на полное членство в любой человеческой общности, ибо каждый из них является субъектом и объектом одного и того же нравственного закона. Единство Бога неотделимо от единства Его воли, которая является нравственным законом. Согласно этому закону, ислам стремится сплотить все человечество на равных условиях. Он не терпит никого, кто придерживается доктрины избранности. Ничье положение, утверждает он, не было предопределено. Это противоречило бы нравственной природе человека и божественному замыслу, который является целью творения, а именно: что человек – каждый человек – может исполнять нравственный закон и добиваться счастья. Ислам не одобряет ни одной «доктрины остатка», которая утверждает, что некоторые или большинство членов этнической группы могут поступать неверно, сбиваться с пути или отступать от состояния избранности, ведь всегда будут оставшиеся, которые не будут таковыми и,

таким образом, будут оправдывать избранность этнической группы, как они утверждают.

Универсализм ислама не исключает дифференциации людей на основе их нравственных усилий и достижений. Обратное противоречило бы нравственному закону, который присваивает «высоту» или «моральную ценность» прямо пропорционально моральному достижению людей. Действительно, такая дискриминация не только обоснованна и приемлема, но и является обязательной. Именно это означает возвышение знающего человека над невежественным, мудрого над глупым, добродетельного над порочным, благочестивого над атеистом или мятежником, праведного, любящего и милосердного соседа над несправедливым, ненавистником, обижающимся и т. д. Такое различие не только законно; оно имеет положительное качество, способствующее общему нравственному благополучию, заставляя людей проявлять усердие в делах. Преуспевание в деле – это цель самого творения. Это всё, что имеет значение.

Исламское государство и *Pax Islamica*

Западная политическая теория определяет государство как состоящее из четырех элементов: территории, людей с общими чертами, правительства и суверенитета. Оно не может быть без территории или с неопределенной, безграничной территорией. Оно не может быть универсальным или включать людей, не имеющих общих черт, таких как расовые особенности, язык, обычаи и история. Наконец, оно должно иметь корпоративные институты и правительство, которые вместе реализуют суверенитет, т. е. обеспечивают соблюдение во всех аспектах жизни единой воли, которая считается единственной волей целого. Это – определение западного национального государства, которое является продуктом последних четырех-пяти веков западной истории.

Такое западное государство радикально отличается от исламского государства. У последнего есть территория, но она не важна. Оно может существовать без территории, а также при отсутствующих или неопределенных границах. Фактически, территорией исламского государства является вся земля или, лучше сказать, весь космос, поскольку возможность космических путешествий не слишком далека от нас. Часть земли может находиться под непосредственным руководством исламского государства, а остальная часть может быть еще не включена; исламское государство существует и

функционирует независимо от этого. Фактически, его территория постоянно расширяется. То же касается его народа или «гражданского населения». Его цель – включение всего человечества. Если в какое-либо время оно будет ограничено несколькими людьми в мире, то это не будет иметь значения до тех пор, пока оно стремится объять все человечество. Его гражданам, как мы увидим, не обязательно быть мусульманами. Почти никогда не было такого, чтобы все граждане какого-либо исламского государства были мусульманами. Важно то, что граждане включают всех тех людей, которые согласны жить под его эгидой, потому что они одобряют его порядок и политику. Исламское государство никогда не привязывает кого-либо к своему гражданству против его воли. Человек всегда свободен уехать вместе со всеми своими родственниками, иждивенцами и всем своим имуществом.

Исламское государство основывает свою конституцию на Мадинском соглашении, которое Пророк представил городу после своего переселения в 622 г. Дух этого соглашения определял каждое исламское государство в истории. Он предусматривал, что мусульмане, независимо от их происхождения (они принадлежали к разным племенам и нациям), являются одной уммой. То есть они составляют единый корпоративный организм, регулируемый исламским законодательством. Оно имеет свои собственные институты, суды, школы для обучения своих детей, в противопоставление всем остальным. Гарантируется управление уммы в стремлении к самореализации во всей полноте ее религии, духа, законов, ее этики и культуры. В этом и заключена ее бесконечность. Ибо умма должна иметь свободу передать потомству свое религиозное и культурное наследие если не обогащенным, то в целостности. Тогда умма по определению является сообществом, отвечающим собственным

идеалам или по крайней мере стремящимся делать это совершенно свободным образом.

Помимо признания и определения мусульман как уммы и, следовательно, уничтожения расовых и племенных различий посредством универсализма ислама, Мадинское соглашение признало и определило иудеев как другую умму, равную мусульманской умме. Они тоже составляют сообщество, которому должна быть предоставлена полная свобода реализовать себя в соответствии со своим собственным наследием и духом. Оно должно иметь свою религию, социальные институты, свои законы и суды для управления, свой собственный язык и культуру, свою собственную атмосферу и школы, в которых обязано воспитывать детей соответственно своему духу. Оно должно пользоваться всем, что необходимо для того, чтобы продолжить себя в вечности.

Несколько лет спустя, в 630 г., христиане Аравии пришли в Мадину, чтобы обсудить свой статус с Пророком. Пророк принял их делегацию с распростертыми объятиями. Он также позволил им совершить молитву в своей мечети. Он ознакомил их с исламом и затем убеждал их в течение трех дней, пока они наслаждались его гостеприимством (как это было принято у арабов). Некоторые из них были убеждены, стали мусульманами и были немедленно приняты в братство верующих как равные всем другим мусульманам. Они стали членами мусульманской уммы. Остальных не удалось убедить, и они остались христианами. Но они решили войти в исламское государство как его граждане. Соответственно им был присвоен такой же статус, как и иудеям и мусульманам. Отныне они должны были быть уммой наравне с остальными, наслаждаясь привилегией жить как христиане, в соответствии со своим религиозным и культурным наследием и своей волей к вечности. Они жили не в Мадине (как иудеи), а далеко – в землях,

отделенных от Мадины. Пророк включил их в государство, расширив тем самым его юрисдикцию, и отправил вместе с ними одного из доверенных сподвижников в качестве своего представителя на их территории. С этого момента их защита от иностранной агрессии, а также от внутренней подрывной деятельности ложилась на исламское государство. Это была гарантия их свободы, сохранения их христианской веры и их самовоспроизведения в истории.

По той же логике персидские зороастрийцы, индийские индуисты и буддисты были включены в исламское государство как уммы наравне с уммами мусульман, иудеев и христиан. Исламское государство было их гарантом и защитником, долг которого определялся его собственной конституцией, позволявшей каждому жить в соответствии со своей религией, этикой и культурой, увековечивать себя через поколения в полной свободе. Исламское государство, таким образом, является не исключительно мусульманским государством, а федерацией общин разных религий, культур и традиций, разделяющих идею жить гармонично и в мире друг с другом.

Ислам, однако, является по преимуществу миссионерской религией. Как же тогда эта федеративная система может приниматься в качестве общей жизненной платформы и мусульманами и немусульманами? Миссионерство, безусловно, имманентно исламу. Оно вытекает из его сущности как универсальной религии. Каждый мусульманин хочет, чтобы ислам стал сознательной религией каждого человека, поскольку он понимает, что это бессознательная религия каждого человека, которую воспитание и история превратили в нечто другое. Ислам также возлагает миссионерскую деятельность в качестве обязанности на каждого мусульманина и мусульманку. Этот миссионерский дух, или *да'ва* (буквально «призыв» людей к исламу) не противоречит исламскому государству. Это его конечная цель.

В исламском государстве, как и вне его, мусульмане должны выполнять свою миссию. В аяте Корана¹⁷ на Мухаммада возлагается обязанность по отношению к арабам, первой умме, а на эту умму – обязанность по отношению к другим уммам в исламском государстве. По той же логике расширения мусульмане, в том числе и их Пророк, поняли, что исламскому государству отведена такая же обязанность по отношению к другим государствам.

Принцип, который делает все это возможным без противоречия чему-либо из того, о чем мы до сих пор говорили, – это личная свобода. Согласно исламу, религиозное убеждение является полностью личным делом. Каждый человек волен убеждать и убеждаться. Пока он не убедится в исламском призыве, он вправе быть таким, какой он есть, и продолжать оставаться таким из поколения в поколение. Поэтому мусульманин может продолжать миссию, но он не может принуждать. Принуждение (*икра*) или подрывная деятельность (*фитна*) являются наказуемыми уголовными нарушениями в исламе. Немусульманин, как и мусульманин, имеет право на исповедание своей веры. Никто из них не имеет права так управлять своими делами или делами уммы, чтобы происходило вмешательство в религиозную и культурную жизнь другого. Любая из этих практик берет начало в этноцентризме, цинизме или чувстве превосходства одной уммы над другой. Внутри себя исламское государство не терпит какого-либо вторжения одной уммы в другую. Его долг одинаков по отношению ко всем, а именно: сохранить мир, управлять государственными службами, защищать целостность и защищать права и привилегии лиц и их общин.

¹⁷ Здесь Ал-Фаруки, скорее всего, ссылается на аят 2:143, хотя он и не уточняет, какой аят имеет в виду.

Внешне исламское государство является идеологическим; т. е. у него есть мировая цель, которую оно преследует со всей энергией, имеющейся в его распоряжении. Оно обращается к другим государствам, племенам, народам, нациям или группам с предложением о том, чтобы они вошли в него как умма. Такая интеграция, объясняет оно, не означает перехода народа в исламскую религию или какое-либо уменьшение или даже изменение внутреннего организационного порядка или соглашений, которые до сих пор присутствовали в нем. Это также не означает изменения его экономического положения или политического суверенитета его монарха, правительства или правительственных учреждений. Все они остаются абсолютно такими же, а также получают гарантию и защиту.

Интеграция в исламское государство означает только то, что отношения субъекта с этим государством впредь будут отношениями мира; что государство готово разрешить своим гражданам слышать и прислушиваться к призыву ислама и призывать мусульман к чему пожелают, кроме своей религии и мировоззрения; короче говоря, что оно не будет вести войну против исламского государства и исламское государство не будет вести войну против него и не будет жить в состоянии изоляции от остального человечества.

Таким образом, исламское государство является не государством как таковым, а мировым порядком, *Pax Islamica*, – с правительством, судом, конституцией и армией, своеобразной «Организацией Объединенных Наций» с «телом» и «зубами». Вступить в него — значит принять решение о мирном общении с согражданами и раз и навсегда отказаться от войны между общинами. Очевидно, отказ от вхождения в него, решение оставаться вне его означает утверждение обратного; и, как следствие, либо национальную *изоляцию*, либо войну и агрессию. Вот почему мусульманские теоретики

называют исламское государство «Домом мира», настоящим мировым порядком, или *Pax Islamica*.

Сила не должна находиться в руках какой-либо уммы, даже мусульманской уммы. Она должна использоваться для подавления в любой умме мятежа против ее установленных институтов и полномочий; для восстановления в любой умме прав, привилегий или качеств, которые могла нарушить любая другая умма; и, наконец, для защиты своего миропорядка от врагов. Никакое другое использование силы не является законным. Действительно, тот мировой порядок, который предусмотрен исламом, представляет собой идеальный порядок национальных и международных отношений, который является единственным ответом на продолжающиеся международные распри. По сравнению с ним мир, основанный на атомном терроре, на балансе сил или на имперской тирании любой уммы над остальными, есть не что иное, как сатанинское явление.

Армия исламского государства является мусульманской, поскольку обязанность джихада, или оборонительной войны, является религиозной обязанностью, падающей только на мусульман. Другие могут присоединиться, если они захотят, и в этом случае они будут освобождены от *джизьи*, и к ним начнут относиться точно так же, как к мусульманам. Но они не могут быть призваны правительством на военную службу. Их участие должно быть полностью добровольным.

Исламское государство не должно быть монолитной системой, где возможны только один закон, стиль жизни, культура, религия и мировоззрение. Это требование относилось к умме, и именно последняя прививает свою культуру, объединяет и ассимилирует все элементы в исламскую единицу и сохраняет свое исламское существование. Другие уммы делают то же самое в отношении своих неисламских членов. Вот почему исламское государство может позволить себе быть либеральным и

плюралистичным. Фактически его конституция является единственной, которая позволяет ему быть подлинно плюралистичным, не пытаясь со своей стороны уничтожить различия между уммами под предлогом «национальной интеграции» и «национального единства».

Задача аккультурации и унификации своих членов ложится на умму, а не на исламское государство как таковое, которое должно оставаться открытым для того, чтобы другие уммы делали то же самое с собственными членами. Мусульманская умма в исламском государстве действительно является монолитной сущностью, управляемой исламским правом. Гражданин исламского государства может свободно выбирать любую религию, любую умму в нем. Если он выбирает умму за пределами исламского государства, он должен немедленно переселиться туда.

Наконец, следует отметить, что исламское государство является воплощением исламской идеи; что его люди, энергии и ум – все мусульманские. Кроме того, это уникальное явление. История не знает его аналогов. Если бы подобные государства были образованы немусульманами, это стало бы долгожданным событием. Ибо исламское государство будет в таком случае уверено, что недалек тот день, когда оно сможет слиться с неисламским государством, поскольку их конституции похожи, хотя религии и различны. Ведь для конституций обоих государств важно, чтобы они стремились разрешить свои разногласия.

Часть 7

История и культура
ислама

Исламская культура

В предыдущей главе мы видели, что именно на умме лежит задача, связанная с аккультурацией и исламизацией ее членов, а также с сохранением их исламской веры. Система в пределах уммы довольно монолитна, но имеет встроенные механизмы для творческого самообновления и реформ. Ислам – это всеобъемлющий образ жизни. Он актуален для каждого аспекта повседневности, для каждого дела. Неудивительно, что умма показывает себя во всех сферах личной и общественной (корпоративной) жизни. Ислам стремится проявить себя в стиле жизни, дома, в обществе, на улице, в учреждениях, в городе – повсюду.

Ислам учит тому, что Бог действительно является нашим Господом и Наставником. Признание Его является первым и последним требованием. Ибо познание Его как Бога, то есть как Творца, Господина и Учителя, как цель всего, – составляет уже более половины битвы за существование и благополучие. Знать Бога как Бога – значит любить и чтить Его; это значит быть открытым к решениям Его воли. Ибо только это и есть ислам, или *покорность*. Поэтому естественно, что осознание Бога является целью всех усилий; что мусульманин окружает себя всем, что напоминает ему о Боге; что в пределах уммы все будет теоцентрическим, ориентированным на Бога.

Натурализм, или восприятие конечной реальности в виде природы, предположение о том, что природа

является своей собственной нормой и мерой, что добро, истина и красота находятся в природе и исходят от нее, – это антитеза ислама. Ислам сопротивляется восприятию природы в качестве бога и тем самым нивелированию Его трансцендентности. Природа является самым сильным претендентом на место Бога. Ее позиция постоянно повышалась в сознании западного человека со времен Возрождения, которое в этом смысле «свергло Бога с пьедестала». Вместо Бога – источника и мерила всего, оно определило человека венцом природы; именно человек стал тем, кому было суждено сыграть роль «меры всех вещей».

Эта отправная точка придала западной и исламской культурам особое чувство красоты. Для западного христианина, которого затронуло Возрождение, красив человек. Человеком исчерпывается смысл возвышенного. Христианское учение о воплощении через его представление о Боге, имманентном во плоти и, следовательно, в природе, облегчило перенос семитского понятия трансцендентного Бога, который является абсолютным стандартом красоты, истины и морали, на человека как абсолютный стандарт. Отныне вся христианская культура должна была трансформироваться этим принципом; так же, как исламская культура оставалась верной первоначальному семитскому видению того, что только Бог есть Бог и, следовательно, только Бог является абсолютной нормой, эталоном и мерилем всех вещей.

Начиная с эпохи Возрождения западный человек начал рисовать, вырезать и конструировать таким образом, чтобы выразить вышеупомянутый натурализм. Отцы Церкви, хранители христианского видения, сначала были шокированы, особенно изображением обнаженных тел; но они быстро смирились с этим вторжением в западное сознание языческой и натуралистической Греции и Рима. Это вторжение было повсеместным; не только в видимом искусстве, но и во всех других

аспектах культуры. Тем не менее различные области культуры не были захвачены одновременно. Можно сказать, что философии пришлось дожидаться Декарта; литературе – Эразма; музыке – Йозефа Гайдна.

Мусульмане же, со своей стороны, развили арабеску – дизайн, применимый как к оформлению, так и к архитектуре, к живописи, а также к каллиграфии, градостроительству, литературе, садоводству, аквакультуре и даже к философии. Дизайн построен на законах неполного развития, повторения, симметрии и импульса. Первое означает отрицание природы, закон которой, безусловно, является развитием или движением из состояния генезиса через последовательные состояния роста и развития, заканчивающимися созреванием, кульминацией или завершением, за пределами которого ничего, кажется, не имеет отношения к рассматриваемому естественному процессу. Подобно тому, как исламское мировоззрение начинается с отрицания «Нет божества, кроме Бога», так и универсальные образцы исламского искусства, языка, мысли и стиля начинаются с отрицания природы как меры и нормы, как воплощения, локуса или носителя возвышенного.

Второй принцип, на котором построена арабеска, – это повторение, а третий – симметрия. Природа не повторяется и не симметрична. Листья одного и того же дерева могут выглядеть одинаково; но каждый из них отличается от всех остальных. Аналогично в случае с симметрией. Этими принципами арабеска отрицает натурализм, но это не единственная ее функция. Из указанных элементов арабеска создает импульс или движение от одного повторяющегося рисунка к другому, до бесконечности. Это четвертый принцип арабески. Ряды кирпичей или корзины из ниток или соломинок являются повторяющимися и симметричными. Арабеска устраивает симметрично повторяющиеся элементы или узоры таким образом, чтобы генерировать

движение, перетягивать зрителя из одной единицы орнамента в другую и настраивать его на курс, который в силу самой природы этого процесса никогда не может прийти к естественному завершению. Само произведение искусства, таблица, фасад, история или стихотворение действительно заканчиваются, как и должно быть. Но арабеска или структура в них – никогда. В графическом представлении на стене, на ковре, в миниатюре, на панели из дерева, в кирпичной кладке, арабеска, кажется, выходит за пределы естественных границ объекта *в бесконечность*. То же самое относится к композиции музыки или поэзии, где отличаются элементы и образцы, но не дизайн, который никогда не заканчивается с остановкой исполнителя или чтеца, а создает необходимость продолжать то, что было испытано, *до бесконечности*.

Целью «развертывающегося» (или «развивающегося») искусства является остановка внимания на объекте, который прямо или косвенно представляет собой состояние или положение человека, и таким образом должно созерцать его предельность и нормативность. Это справедливо даже для натюрмортов и ландшафтов, которые передаются не сами по себе, а через человеческий характер или личность, стоящие как бы за ними. Неразвивающийся характер арабески направлен к противоположной цели: не на то, чтобы останавливать внимание, а скорее, на то, чтобы сохранить картину в воображении смотрящего и как бы переносить зрителя по импульсу, создаваемому ритмом картины, ввне представленного произведения искусства. Все это задает сознанию бесконечный марш, который никогда не сможет дойти до конца именно потому, что конца нет. Здесь интуиция приобретает из негативного аспекта трансцендентной реальности, заключенного в том, что она бесконечна, никогда не поддается человеческому чувственному восприятию, никогда не отражается имманентно в природе

и, следовательно, никогда не выражается. Арабеска не выражает Бога; но она показывает разумно и красиво невыразимость Бога.

Поэтому не случайно мусульманин окружает себя предметами искусства, которые все воспроизводят одну и ту же тему: «Нет божества, кроме Бога», будь то дискурсивно через каллиграфию или эстетически (то есть как данность) через арабеску. Его дом, его фасад, местоположение, горизонт, план этажа, внутреннее и внешнее оформление – все подчеркнуто отрицает природу, говоря: как бы то ни было, ничто в природе не является Богом или средством приближения Бога. То, что было наделено исламской красотой и, следовательно, арабеской, задающей импульс бесконечности, приобретает еще более красноречивую выразительность. То, что мусульманин любит слушать, будь то инструментальная или вокальная музыка, рецитация Корана или чтение стихов, также воплощает одни и те же принципы и выражает одно и то же видение единого трансцендентного Бога. Каллиграфия, высшее искусство ислама, удваивает этот эффект, добавляя к чувственному выражению бесконечности и невыразимости трансцендентной реальности волнообразным узором линий и орнамента арабески прямое дискурсивное выражение Бога, Его воли, и дел, и места человека в божественном порядке творения.

Вот почему мечеть – высшее общественное выражение ислама – представляет собой пустое здание, стены которого отрицают массу, вес, светонепроницаемость и, следовательно, замкнутость пространства. Вместо ограждения стены мечети дают воздушное ощущение прозрачных экранов плавающих паттернов, которые соединяют мечеть с бесконечным пространством. Ковер, покрывающий ее пол, капитель, венчающую ее колонны, украшенная панель, в которой все поверхности (дерево, каменная кладка, лепнина или резной мрамор), зубчатые очертания – всё в один голос выражает ту же

тему бесконечности и трансцендентность. Наконец, полосу, панно и розетки арабской каллиграфии воспроизводят айаты из Корана, поскольку чтение Корана обычно звучащее в ее стенах, прямо и сразу повторяет одну и ту же тему.

Трансцендентность, или конечная реальность, а именно Аллах, затрагивает каждый аспект жизни мусульман, поскольку она пронизывает каждый продукт их культуры и доминирует во всех уголках их сознания. И мусульмане, и современные западные христиане одержимы великими навязчивыми идеями: последние одержимы Богом в человеке, мусульмане же одержимы только Богом в Боге.

Исламская история

Ислам зародился в Аравии. В каком-то смысле это было предопределено. Будучи кристаллизацией Древней месопотамской (семитской) религии и мудрости, он мог возродиться только в Аравии по двум причинам. Во-первых, Аравия была единственным уголком Древнего мира, который продолжал хранить свое наследие, не попадая под влияние египетской, греческой и зороастрийской культуры. Какое бы влияние такого рода ни достигало Аравии, оно было незначительно и присутствовало только на периферии, в Петре и Пальмире на севере, в Йемене на юге. Центр оставался без изменений.

Во-вторых, все, что осталось от месопотамского наследия в Аравии, присутствовало, поддерживалось и сохранялось не столько в религиозных обычаях доисламских арабов, сколько в их языке и поэзии. Здесь их понимание трансцендентности отражалось бессознательно. Их язык был сам арабской в его лексикографии, синтаксисе, грамматике и литературной эстетике. Их поэзия была апогеем симметрии, повторения, недоразвития и импульса задолго до ислама. Ничто не могло бы подойти исламскому посланию лучше, чем арабская литературная среда. Совершенное соответствие между ними неизбежно увидит любой ученик с минимальной восприимчивостью. Нигде больше не было такого сознания, отраженного в каком-либо языке. Своим приходом ислам построил всё на литературно

возвышенном характере своих откровений – среде, которую арабы (и только арабы) могли легко и прекрасно оценить. Они знали, что в этой области чудесно и возвышенно, а что – нет. Даже враги ислама среди макканцев сразу признали таинство в Откровении Мухаммада. Их корыстные интересы и шок отвлекли их от признания его Божественности, но только на очень короткое время.

Еще до смерти Мухаммада вся Аравия признала новую кристаллизацию своей сокровенной, даже бессознательной мудрости. Она увидела в исламе то, чем ислам провозгласил себя, а именно квинтэссенцию всей древней семитской истории, всех предыдущих откровений и пророчеств; тезис о трансцендентности, о реальности, которую арабское сознание признало как единственное высшее и действительно трансцендентное. Теперь, когда ислам раскрыл Аравии свою самобытность и судьбу, как носитель послания божественной трансцендентности миру, она пришла в состояние равновесия.

Арабскость, или это сознание трансцендентности, отраженное в арабском языке и поэзии, уже до некоторой степени проникало на территорию Плодородного Полумесяца, его северный сухопутный мост с Азией и Африкой, до ислама. Действительно, Плодородный Полумесяц был арабизирован в этом смысле повторяющимися миграциями, берущими начало в Аккаде 3000 г. до н. э., и более ранними. Последующие влияния вторгшихся филистимлян и «людей гор», хеттов, египтян, греков и персов помогли смутить и покорить, но не искоренить или решительным образом изменить это сознание. Арабское трансцендентальное сознание сопротивлялось натиску египтизации, персизации и эллинизации. Оно делало это героически во всем, что дошло до нас с доисламского периода Плодородного Полумесяца, будь то язык, произведения искусства, законы и кодексы или литература. Сознание трансцендентности,

конечно, оказалось покрыто шрамами, даже если его носители были христианами, иудеями или зороастрийцами; однако оно оставалось неустранимым.

Как только ислам был изложен им, они избавились от путаницы и элементов этноцентрического раввинистического иудаизма, тринитарного имманентизма христианства, кастового элитаризма и дуалистического натурализма манихейского зороастризма. Они с готовностью признали ислам своим, а не чем-то чуждым – тем, что всегда было присуще им, но что они были неспособны выразить так ясно, как это сделал Коран.

В течение одного поколения ряды ислама пополнились большинством людей в умеренном поясе от Атлантики до Индии. После этого завоевания остановились, и миллионы людей начали выполнение задачи превращения нового понимания Божественной трансцендентности в видимую цивилизацию. Следующие четыре столетия наблюдался расцвет исламской культуры и цивилизации во всех землях. Каждое этническое образование прилагало все возможные усилия в соответствии с трансформирующими принципами ислама. Разнообразие, конечно же, имелось; но общее единство было очевидным.

Сначала развивались науки о языковых и художественных средствах откровения. Обусловленное исламом сознание теперь требовало, чтобы его проинформировали о том, как арабский язык и письмо действовали в качестве средства трансцендентности. Это было в то же время необходимо для понимания Корана, слова Божьего, людьми, которые не владели арабским языком, а также людьми пустыни. Грамматические, лексикографические и этимологические словари, синтаксические анализы всех видов, литературная критика и анализ Корана, каждой поэмы, общего выражения или образца ораторского искусства, хранящегося в памяти, были

написаны тысячами, впервые в истории человеческой культуры и образования.

Религиозное видение ислама было полностью отражено в откровении, в Коране. Вот почему ислам не имеет религиозной истории, т. е. истории его формирования как религии. Такая «история» ограничивается биографией Пророка, последними 22 годами его жизни, в течение которых было завершено ниспослание Корана. Захваченные этим видением ислама, мусульмане погрузились в реализацию и конкретизацию, чтобы перевести нормативные принципы ислама в предписывающие направления человеческого поведения, в разработку и создание жизнеспособной методологии для такого перевода. Именно здесь проявил себя исламский гений. Труды относительно личного статуса, порядка, гражданских правонарушений и контрактов, международных отношений, преступления и наказания, шариатского, или исламского, закона по сей день не имеют параллелей, а основы юридической мысли не знают себе равных.

Жадно стремясь познать волю Бога в природе, мусульмане быстро изучили и ассимилировали наследие древности и продвинулись далеко за его пределы. Ал-Бируни рассчитал радиус Земли, что лишь несколькими дюймами отличается от самых точных измерений нашего дня; труды «Канон медицины» («*Китаб ал-канун фи-т-тибб*») Ибн Сины, «Ал-хави» и «О натуральной оспе и кори» ар-Рази оставались стандартными учебниками медицинской профессии до XVIII в.; «Китаб ал-джами фи ал-адвийа ал-муфрада» Ибн ал-Байтара высоко ценилась фармацевтами. Арабские цифры двигали арифметику, а *ал-джабр* (алгебра) продвинула формальную математику в новые области прогресса и достижений.

Всюду Коран рецитировался на своем оригинальном арабском языке. Его айаты украшали каждую комнату и дом и подчеркивали каждый разговор и каждый

трактат. Повсюду были возведены мечети, медресе (школы) и другие общественные здания, воспроизводившие арабеску в новых формах, в мраморе, штукатурке, кирпиче или краске. Повсюду слуховая арабеска, отраженная в призыве на намаз *муидзина* с минарета прерывала день миллионов. В течение месяца Рамадана (поста) менялся темп всей жизни, следуя за временем и практикой поста. Когда наступало время одного из двух праздников *'Ид*, только самое большое открытое поле в округе могло вместить множество людей, которые пришли в своей лучшей и новой одежде для того, чтобы вместе преклонить колени и простереться в поклонении единому трансцендентному Богу, читая красивые арабские айаты Корана.

Под влиянием ислама возникли города, которые были образцом градостроительства, полезности, чистоты и интеграции. Колледжи и школы, публичные библиотеки, общественные бани, зоны отдыха и сады, системы водоснабжения и водоотведения могли бы сделать даже наши современные города бедными, если не безнадежными, сравнениями. И все это в IX и X веках, когда города Европы – наследники классической античности – едва ли могли похвастаться одной мощной улицей или одним общественным источником ночного света, кроме луны.

В XI веке мусульманская духовность начала меняться. Подталкиваемые чрезмерно восторженной любовью к Богу, выраженной арабской поэзией знаменитой мистической поэтессы Рабийей ал-Адавийей, новообращенные из гностического христианства и иудаизма, из упанишадской индуистской мистики и буддизма начали интерпретировать ислам в мистических терминах, смещая свой акцент с фактического, где Божественная воля должна конкретизироваться как духовная. Мост, который связывал ислам с историей, пространством и временем и удерживал ноги мусульманина на земле, затрещал.

Духовный и интроспективный анализ занял место юридического и правового исследования. Алхимия, астрология и нумерология медленно заменяли химию, астрономию и математику. Даже социальное здоровье исламской семьи уступило место мистическому братству. Участие в делах общества и государства, столь выразительное сознание мусульманином собственного наместничества постепенно прекращалось в угоду созерцательному блаженству и мистическому опыту индивидуалиста и персоналиста. Власть доставалась всем, кто хотел ею обладать, и халифы стали марионетками могущественных, но беспощадных армейских генералов. Во время монгольского (татарского) нашествия Чингисхана мусульманский мир пал, как спелая слива. Один за другим его драгоценные города были преданы огню, а его люди — смерти и разорению.

Этот огонь затем распространился во многих направлениях: Китай, Индия, Россия и Юго-Западная Азия. В последнем случае поток был остановлен в Айн-Джалуде в Палестине, где Ибн Таймийа, первый и самый лучший мусульманский реформатор, сумел сдерживать монгольское наступление с египетской армией. Ранее он много раз напрасно пытался предупредить мусульман об этой опасности. Мистики всегда побеждали его и потворствовали выступлениям власти против него. Несмотря на его военный успех в Айн-Джалуде, Ибн Таймийа все же пал жертвой интриг суфиев (мистиков) и умер в тюрьме Дамаска.

Однако тяжелый труд и смерть Ибн Таймийи были не напрасны. Он создал целую библиотеку, более 300 работ, в которой он диагностировал мусульманскую болезнь во всех сферах жизни. Главным злом, конечно же, был мистицизм, который преуспел в отвращении мусульман от истории, от мира, от разума и здравого смысла и довел их до интроспективной медитации. Суфизм притупил их реализм, отвлек их от общества,

от его дел, даже от семьи. Вместо того чтобы осуществлять волю Бога как закон, суфизм учил мусульман гнаться за неисполнимой мечтой об объединении с Богом в гнозисе, или «мистическом опыте».

Слова Ибн Таймийи не были услышаны. И все же произошло чудо. Татарские полчища, которые несли шаманское истребление, через какое-то время приняли ислам, религию и культуру тех народов, которых они победили. Завоеватели массово селились в Малой Азии, и спустя поколение они были готовы снова отправиться воевать – на этот раз под знаменем ислама. С еще живым боевым духом, с которым они пришли из Центральной Азии, новообращенные в ислам, которые теперь были организованы под руководством Османа Гази (отсюда и название «Османская империя»), все еще продвигались в направлении Европы. Византийская империя рухнула при их продвижении. Вена была осаждена ими в последней четверти XVII века. Черное и Каспийское моря стали мусульманскими. Между Веной и Константинополем (переименованными в Ислампул, позже искаженный как Стамбул) они насадили множество мусульманских общин, множество мусульманских городов и создали новый стиль исламской архитектуры на основе византийского.

Только в XVIII веке Османская империя начала разлагаться изнутри по тем же причинам, которые привели ранее к гибели арабской империи (Аббасидской). Также в XVIII веке идеи Ибн Таймийи снова таинственно возродились в самом сердце Аравии, не затронутые ни османским распадом, ни господством Запада. Движение за реформы возглавил Мухаммад ибн Абд ал-Ваххаб. Суфизм был ему ненавистен, на него он направил свою ярость. Что до положительного в нем, движение называло себя «*салафийа*», т. е. традиционным. У него не было иной цели, кроме как восстановить первоначальное видение ислама, бытовавшее до того, как это

видение затронул мистицизм. Одновременно или вскоре после этого подобные движения охватили весь мусульманский мир. Затем воцарился западный колониализм, и мусульманский мир снова оказался под властью чужаков, был беспощадно раздроблен и эксплуатировался, части его были заселены иноземными колонизаторами, а их автохтонное население было рассеяно и систематически уничтожалось.

Сегодня колониализм подходит к концу, но не его пережитки и влияние. Однако мусульманские народы мира подгоняют часы, чтобы догнать остальной мир в экономической и военной мощи, а также в политической осознанности, единстве и координации. Их ислам остается самой сильной идеологией, которую они когда-либо знали, готовой двигать ими снова, и мир с ними, если они откроют свой разум ее мудрости, а сердца – ее призыву.

Содержание

Предисловие	3
Краткая биография Исма‘ила Раджи ал-Фаруки	7
Введение	9
Предисловие	17
Часть 1.	19
Глава 1. Кто такой мусульманин?	20
Глава 2. Что значит быть мусульманином? . . .	24
Глава 3. Почему мусульманин есть тот, кто он есть?	31
Глава 4. С какого момента кто-либо стал считать себя мусульманином?	41
Часть 2. Моменты религиозной жизни мусульманина	51
Глава 5. Шаха́да (исповедание веры)	52
Глава 6. Намаз (поклонение, молитва)	58
Глава 7. Закат (разделение богатства с ближними)	62
Глава 8. Савм (пост)	67
Глава 9. Хадж (паломничество)	72
Часть 3. Другие мусульманские праздники	77
Глава 10. День рождения Пророка	78
Глава 11. Хиджра	85
Глава 12. Исра’ и Ми’радж	89

Часть 4. Мусульманская семья.	93
Глава 13. Женщина	94
Глава 14. Брак	98
Глава 15. Расширенная семья	101
Часть 5. Мусульманский рабочий.	105
Глава 16. Разумное использование природы	106
Глава 17. Богатство	111
Часть 6. Исламский миропорядок.	115
Глава 18. Всеобщее братство по закону	116
Глава 19. Исламское государство и Рах Islamica	120
Часть 7. История и культура ислама	129
Глава 20. Исламская культура	130
Глава 21. Исламская история	136

Исма‘ил Раджи Ал-Фаруки

**ИСЛАМ: РЕЛИГИЯ, ПРАКТИКА,
КУЛЬТУРА И МИРОПОРЯДОК**

Подписано в печать
Формат 60×88¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 10,0 п. л. Тираж 500 экз.
Заказ 1333.

Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт»
191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, оф. 14
www.litobook.ru info@litobook.ru
+7 (812) 712-02-08

ISBN 978-5-6048234-2-2

9 785604 823422

Подлинное понимание Ислама как религии открывает <...>, что эта религия представляет собой более поздний виток развития того сознания, которое породило иудаизм и христианство. Исследователю также откроется, что Ислам как культура является источником западной цивилизации последнего тысячелетия на равных с античной Грецией и Римом <...>, что исламский антиклерикализм был первой «протестантской» революцией, исламский рационализм был первым «Просвещением», его прагматизм был первой «технократией», а законы войны и мира сделали исламский мир первым образчиком «Объединенных Наций».

Так пишет профессор Исма'ил Раджи ал-Фаруки, палестино-американский мыслитель, провидец, авторитет в области сравнительного религиоведения и один из величайших мусульманских ученых XX в. В данном исследовании ал-Фаруки представляет смысл и послание

Ислама всему мировому сообществу. Ключевые элементы веры обобщены и объяснены в свете общей темы. Книга состоит из семи частей, которые содержат 21 главу. Главы этой книги представляют собой нечто большее, чем простое описание мусульманских народов и ортодоксальной практики. Ал-Фаруки был великим мыслителем и находил удовольствие в интеллектуальной вовлеченности любого вида, в особенности когда ее предметом являлся Ислам и другие религии. Именно этот уникальный процесс размышления и рассуждения отражен в настоящей работе, представляющей собой одну из граней неповторимого вклада ал-Фаруки в исламоведение. В данной книге доступным языком излагаются его взгляды на исламское вероучение и на положение мусульман в современном мире, философ не только интерпретирует ислам как духовную веру и действие, но также трактует Ислам как *невероятный опыт*.

ISBN 978-5-6048234-2-2

9 785604 823422